И тогда она исчезла

Автор:
Лайза Джуэлл

И тогда она исчезла

Лайза Джуэлл

Романы о сильных чувствах

Ей было пятнадцать. Умница. Любимая дочь. Перед ней были открыты все двери, и целая жизнь, казалось, ждет впереди.

Но потом Элли исчезла.

Спустя десять лет Лорел все еще пытается разыскать дочь. Ее поиски приобретают новый смысл после двух неожиданных встреч.

Первая – с мужчиной. Он красив, харизматичен, но один лишь его взгляд бросает Лорел в дрожь.

Вторая – с ребенком. Девятилетней девочкой, которую Лорел едва не приняла за призрака. Точной копией пропавшей Элли.

Но как это возможно?

Лайза Джуэлл

И тогда она исчезла

Lisa Jewell

Then She Was Gone

© Осипов А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Посвящается Лор

Пролог

Несколько месяцев до того, как она исчезла, и вправду были лучшими. Каждый момент был ей подарком и словно говорил: «Я здесь, твой самый прекрасный миг. Просто смотри и наслаждайся. Видишь, сколь я чудесен». Каждое утро было наполнено трепетным волнением и шквалом чувств. Бабочки порхали у нее в животе. Ускорялся пульс, и сердце стучало сильнее. И, наконец, наступал цветущий миг, когда, приближаясь к школьным воротам, она находила глазами его. Школа теперь была не клеткой, но многолюдной, залитой ярким светом съемочной площадкой для ее любовного романа.

Элли Мэк не могла поверить, что Тео Гудмен захотел встречаться с ней. В одиннадцатом классе Тео, без сомнения, выглядел лучше всех мальчиков. Он выглядел лучше всех и в десятом классе, и в девятом, и даже в восьмом. Но только не в седьмом, нет. Никто из семиклассников не казался привлекательным. Все они были пучеглазыми малышами в огромных ботинках и широченных блейзерах.

У Тео никогда не было подруги, и все думали, что он, должно быть, гей. Он был довольно симпатичным и очень худым. И вообще классным. Элли мечтала

провести с ним долгие годы, и ей было все равно, гей он или нет.

Она была бы рада просто дружить с ним. В школу его каждый день сопровождала молодая симпатичная мама. Всегда в спортивном тренировочном костюме, с собранными в конский хвост волосами, она шагала рядом с сыном, и обычно за ней бежала маленькая белая собачка. У школы Тео каждый раз поднимал песика, целовал его в щеку и бережно опускал на тротуар. Потом целовал маму и неторопливо проходил через ворота. Ему было все равно, видит его кто-нибудь или нет. Его не смущали ни те нежности, какие он проявлял к собачке, похожей на пуховку для пудры, ни те, какие предназначались маме. Он был уверен в себе.

Но год назад – сразу после летних каникул – в один прекрасный солнечный день Тео заговорил с Элли. Запросто. Во время ланча. Спросил что-то о домашнем задании.

У Элли был не очень большой жизненный опыт, но она сразу поняла, что он не гей, а разговор начал потому, что она ему нравится. Это было очевидно. А потом само собой получилось так, что они стали парой. Раньше она думала, что все будет гораздо сложнее.

Но один неверный шаг, одна крошечная петелька на нити времени – и все пропало. Не только любовь, но абсолютно все. Молодость. Жизнь. Да и сама Элли Мэк. Все ушло. Навсегда.

О, если бы можно было заново смотать, как пряжу в клубок, ту нить времени! Элли расправила бы петельку, заметила узелки и поняла, что они – предупреждающие знаки. Конечно, при взгляде в прошлое все становится очевидным. Но тогда, в том самом прошлом, она почти совсем не разбиралась в жизни и не могла понять, какое будущее ее ждет. Она шла прямо к нему, не ожидая ничего плохого.

Часть первая

1

Открыв дверь своим ключом, Лорел вошла в квартиру дочери. Внутри было темно и мрачно, хотя день выдался довольно ярким. Окно в сад закрывали переплетенные, как паутина, стебли глицинии, а другую сторону квартиры почти полностью затенял маленький лесок, наступавший прямо на дом.

Покупка этой квартиры была импульсивным поступком. Ханна только что получила первую в жизни премию и хотела превратить ее во что-то материальное, прежде чем деньги успеют испариться. Когда она смотрела квартиру, та была наполнена красивыми вещами. Но предыдущие владельцы уехали, забрав всю обстановку. А у Ханны совсем не было времени на покупку мебели, и ее квартира была похожа на жилище то ли разведенки, то ли человека с минимумом потребительских желаний. Такого, кто довольствуется малым и не больно заботится о благоустройстве и процветании своего дома. Как видно, квартира была для Ханны не больше, чем просто хорошим гостиничным номером – потому-то она и не возражала, что в ее отсутствие мать приходит делать уборку.

Через прихожую с выцветшими обоями Лорел прошла, как обычно, прямо в кухню и достала из-под раковины средства для уборки. Похоже, Ханна не ночевала дома. На столе ни одной молочной брызги. В раковине нет миски с остатками мюслей со сливами. На подоконнике не валяется полуоткрытый тюбик с тушью и не стоит увеличительное косметическое зеркало. Ледяной холод пронизал позвоночник Лорел. По вечерам Ханна всегда возвращалась домой. Ей просто больше некуда было идти. Лорел кинулась к своей сумочке и лихорадочно вытащила телефон. Дрожащими пальцами набрала номер Ханны и пошатнулась, когда вызов перешел на голосовую почту. Такое бывало только, когда Ханна работала. Телефон выпал из рук Лорел, угодил на край ее туфли и только потому не разбился.

– Дерьмо, – прошипела она едва слышно, подняв трубку и слепо уставившись на нее. – Вот дерьмо.

Лорел некому было звонить, некого спросить: «Ты не видел Ханну? Не знаешь, где она?» Так уж сложилась жизнь. Почти совсем нет ни родных, ни знакомых. Лишь тут и там крохотные островки незатейливой жизни.

Но может быть и так, что Ханна встретила мужчину. Хотя вряд ли. У нее не было парня. Ни одного. Никогда. Давным-давно один знакомый выдвинул теорию, что, если у Ханны появится парень, она будет чувствовать слишком большую вину перед своей младшей сестрой – ведь у той такого никогда не будет. Та же самая теория объясняет, почему Ханна ведет столь жалкую, едва заметную общественную жизнь.

Тут сознание Лорел как бы раздвоилось: она слишком остро реагирует на все, что касается дочери – и в то же время вовсе не слишком остро. Когда твой ребенок однажды утром выходит из дома с рюкзаком, набитым книгами, чтобы потрудиться в библиотеке, до которой идти-то всего пятнадцать минут, и не возвращается домой, то нет такой вещи, как «ты слишком остро реагируешь». И если в кухне Ханны нет в раковине миски с остатками мюслей, а Лорел уже представляет, как ее взрослая дочь лежит мертвая где-то в канаве, – то этот страх обоснован жизненным опытом Лорел.

Она ввела имя компании Ханны в поисковик и нажала ссылку с номером телефона. Робот перевел ее звонок на добавочный номер Ханны, и Лорел затаила дыхание.

– Алло. Говорит Ханна Мэк.

Вот и голос дочери! Одновременно бесцеремонный и бесхарактерный.

Лорел ничего не сказала. Только коснулась кнопки отмены вызова и бросила телефон в сумку. Затем открыла посудомоечную машину Ханны и начала ее разгружать.

2

Какой была жизнь Лорел десять лет назад, когда у нее было трое детей, а не двое? Просыпалась ли она каждое утро, наполненная радостью бытия? Нет. Нет. И нет. Лорел была одной из тех, кто всегда считает, что «стакан наполовину пуст». Она находила на что пожаловаться, даже при приятнейшем развитии событий, и могла свести радость от хороших новостей в краткий миг, а за ним

шло новое тягостное беспокойство.

Каждое утро она считала, что плохо спала, даже если на самом деле сон был хорошим. Она волновалась, что у нее много жира на животе, что волосы чересчур длинные или слишком короткие, что дом у нее огромный или, напротив, крошечный. Что на ее банковском счете совсем мало денег, а муж обленился до предела. Что дети ведут себя слишком шумно или подозрительно тихо, что совсем скоро они уедут из дома или вообще никогда не покинут дом, а останутся в нем навсегда.

Не успев проснуться, Лорел тут же замечала, что ее черная юбка, которую она повесила на спинку стула в спальне, покрыта белой кошачьей шерстью.

Что опять потерялась тапка, а у Ханны мешки под глазами.

Что сваленные в кучу вещи почти месяц ждут, когда же их отнесут в химчистку на соседней улице.

Что в прихожей порвались обои.

Что на подбородке достигшего половой зрелости Джейка жутко противный пушок.

Что корм залежался в кошачьей мисочке и начал попахивать, а мусор, кажется, никто и не думает выносить – до чего же все ленивы, просто утрамбовывают отходы в ведре!

И ведь никто не хочет убирать квартиру, сваливая работы по дому на Лорел, – домочадцы знай себе утыкаются носами в плоский телевизор, не обращая внимания ни на что другое.

Именно так Лорел воспринимала свою идеальную жизнь: как вереницу неприятных запахов и невыполненных обязанностей, пустячных забот и просроченных счетов.

И вот однажды утром ее дочка, ее Золотая девочка, ее младшенькая, ее кровиночка, ее вторая половинка, ее гордость и радость покинула дом и не

вернулась.

И что Лорел чувствовала в те первые мучительно текущие часы? Что наполняло ее мозг, ее сердце, заменяя все мелкие проблемы? Ужас. Отчаяние. Мука. Смятение. Горе. Страх. Разбитое сердце. Все, что можно выразить этими самыми драматичными словами, но даже их было недостаточно, чтобы описать ее жуткое состояние.

– Она у Тео, – сказал Пол. – Почему бы тебе не позвонить его маме?

Но Лорел уже поняла, что дочь не заходила к Тео – ведь ее последний разговор с мамой был таким:

– Я вернусь как раз к ланчу. Лазанья осталась?

– Ровно одна порция.

– Не дай Ханне добраться до нее! Или Джейку! Обещай!

– Обещаю.

Потом раздался щелчок входной двери, означающий, что в доме стало на одного человека меньше. На того, кто мог бы зарядить посудомоечную машину, или позвонить по телефону, или отнести Лемсип – лекарство от простуды – наверх, простуженному Полу. Все эти вещи раньше казались Лорел самыми надоедливыми в жизни.

– Пол простудился.

Скольким людям Лорел сказала это вчера и позавчера? Устало вздыхала, закатывала глаза: «Пол простудился».

Такова моя ноша. Моя жизнь. Пожалейте меня.

Но маме Тео Лорел все же позвонила.

– Нет, – сказала Бекки Гудмен, – ее у нас нет. Очень жаль. Тео толчется здесь целый день, и мы вообще ничего не слышали об Элли. Дайте мне знать, если я могу что-то для вас сделать…

К тому времени, когда день начал клониться к вечеру, Лорел успела обзвонить всех друзей Элли и зайти в библиотеку. Там дали просмотреть видеозаписи камер наблюдения – Лорел убедилась, что Элли сегодня не заходила. Когда солнце село и дом погрузился в прохладную темноту, разрываемую каждые несколько минут беззвучными голубыми вспышками далекой грозы, Лорел, наконец, уступила изводящему страху, который рос внутри нее весь день, и вызвала полицию.

Тогда-то Лорел в первый раз возненавидела Пола. В халате, босой, пахнущий простынями и соплями, он без конца фыркал и сморкался. Из его ноздрей вырывалось ужасное бульканье, изо рта – тяжелое дыхание, похожее на предсмертные муки страшного чудища. Все это ударяло по сверхчувствительным ушам Лорел.

– Оденься, – велела она. – Прошу тебя.

Он согласился, словно запуганный ребенок, и через несколько минут спустился, одетый в светлую футболку и шорты защитного цвета. Неправильно. Неправильно. Неправильно. Неправильно.

– И высморкайся, – приказала она. – Как следует. Чтобы в носу совсем ничего не осталось.

Пол последовал ее инструкциям. Она с презрением смотрела, как он комкает бумажные носовые платки и с побитым видом плетется в кухню, чтобы бросить их в мусорное ведро.

Вскоре приехала полиция.

И началось.

Началось то, что так никогда и не закончилось.

Лорел иногда спрашивала себя: было бы все иначе, если бы в тот день Пол не был простужен, по первому же ее звонку примчался с работы в своем элегантном костюме, полный сил и энергии, если бы он сидел рядом с ней, а его руки обвивали ее плечи, крепко прижимая к себе, если бы он не пыхтел, не хлюпал носом и не испугался? Смогли бы они пройти через это? Или было бы что-то еще, что заставило ее ненавидеть его?

Полиция уехала в восемь тридцать. Вскоре у кухонной двери появилась Ханна.

– Мама, – сказала она извиняющимся тоном. – Я проголодалась.

– Прости, – откликнулась Лорел и взглянула через кухню на часы. – Господи, да ты, верно, умираешь с голоду. – Она с трудом поднялась и, будто слепая, вместе с дочерью на ощупь исследовала содержимое холодильника.

– Это можно? – спросила Ханна, вытаскивая пластиковый контейнер с остатками лазаньи.

– Нет. – Лорел с силой задвинула его обратно. Ханна с удивлением заморгала.

– Почему нет?

– Просто нет, – уже мягче произнесла Лорел.

Потом приготовила тост с бобами, села и стала смотреть, как Ханна ест. Ханна. Средний ребенок. Дочь. Трудная. Утомляющая. С такой не хотелось бы застрять на необитаемом острове. И ужасная мысль пронзила Лорел так быстро, что она едва осознала ее.

Это ты должна была пропасть без вести, а Элли сидеть здесь и есть эти бобы на тосте.

Лорел мягко коснулась щеки Ханны ладонью и вышла из кухни.

В прошлом

Плохую оценку по математике Элли ни в коем случае не должна была получить. Если бы она работала усерднее, была умнее, если бы не устала так сильно в день теста, не чувствовала бы себя такой рассеянной, не зевала бы бо?льшую часть времени вместо того, чтобы сосредоточиться на работе, если бы вместо B+ она получила бы A, – то ничего бы не произошло. И если бы еще раньше, задолго до того плохого теста, она бы влюбилась не в Тео, а в обычного мальчика, не особо сильного в математике, кого бы не заботили результаты теста, у кого бы не было амбиций – а еще лучше, если бы вообще ни в кого не влюбилась! – то она бы не чувствовала, что ей нужно стать столь же хорошей, как Тео, или даже лучше. Она была бы рада получить B+, и вечером не стала бы умолять маму нанять репетитора по математике.

Вот и первая петелька на нити времени. С нее-то все и началось. Давно, в январе, в среду днем, в четыре тридцать или около того.

Элли пришла домой не в настроении. Такое случалось часто. Она никогда не планировала этого. Просто само так выходило. В ту же минуту, когда она видела маму или слышала ее голос, Элли начинала раздражаться, а затем из нее вылетало все, чего она не могла сказать или сделать за весь учебный день – потому что в школе Элли считалась хорошей девочкой, и если у тебя такая репутация, с ней шутить нельзя.

Бросая сумку на скамью в прихожей, Элли объявила:

– Мой учитель математики дерьмо. Сущее дерьмо. Ненавижу!

На самом деле это было неправдой. Она ненавидела не учителя, а себя за свою неудачу. Но разве такое можно сказать?

Мама, не отходя от раковины, спросила:

– Что случилось, милая?

– Я только что тебе сказала! – Элли толком ничего не сказала, но это не имело никакого значения. – Мой учитель математики просто идиот. Я провалю экзамены GCSE[1 - GCSE – Программа GCSE (General Certificate of Secondary Education) предназначена для обучения школьников в возрасте 14–15 лет и является завершающим этапом среднего образования согласно образовательным стандартам Великобритании и Северной Ирландии.]. Мне и вправду нужен репетитор. Без него никак.

Она вошла в кухню и с наигранной обреченностью плюхнулась на стул.

– Мы не можем позволить себе репетитора, – возразила мама. – Почему бы тебе не вступить в математической кружок и заниматься там после уроков?

Вот и еще одна петелька. Если бы Элли не была таким избалованным ребенком, если бы не ожидала, что мама взмахнет волшебной палочкой и решит все проблемы дочери, если бы у Элли было хоть малейшее понятие о финансовом положении родителей, если бы она беспокоилась о ком-нибудь, кроме себя, то на этом разговор бы и закончился. Элли сказала бы: «Хорошо. Я все понимаю. Так я и сделаю».

Но она так не сказала. Она напирала, напирала и напирала. Давила, давила и давила. Даже предложила платить за репетитора из своих карманных денег. Упомянула куда более бедных ребят из ее класса, бравших частные уроки.

– Как насчет того, чтобы попросить кого-то из школьников помочь тебе? – предложила мама. – Кого-нибудь из шестого класса? Того, кто будет заниматься с тобой за пару фунтов и, скажем, кусочек торта?

– Что?! Ни в коем случае! Это было бы так неловко!

И вот он улизнул, как самая скользкая вещь на свете, – еще один шанс на спасение. И этого Элли не поняла.

С того майского дня 2005 года, когда Элли не вернулась домой, и до момента, наступившего ровно две минуты тому назад, не было ни одного значимого свидетельства об ее исчезновении. Ни единого.

Последняя информация об Элли была зафиксирована камерой видеонаблюдения на Страуд Грин Роуд[2 - Улица Страуд Грин Роуд образует часть границы между лондонскими районами Ислингтон на юге и Харинги на севере, недалеко от Финсбери Парк. Прилегающие районы Ислингтона иногда называются Страуд Грин. Улица Страуд Грин Роуд является местным центром и торговым районом.] в десять сорок три. На этих кадрах видно, как Элли ненадолго останавливается, чтобы взглянуть на свое отражение в окне автомобиля. Некоторое время существовала версия, что Элли встала там, чтобы посмотреть на кого-то в машине или что-то сказать водителю. Когда же нашли владельца автомобиля, то оказалось, что во время исчезновения Элли тот был в отпуске, а его машина была надолго припаркована в том месте.

Полицейские опросили всех живущих по соседству, вызвали на допрос известных педофилов, у всех владельцев магазинов на Страуд Грин Роуд изъяли записи видеонаблюдения. Затем обратились на телевидение, чтобы Лорел и Пол выступили с обращением, которое могли увидеть примерно восемь миллионов человек. Но никто не откликнулся, и расследование так и остановилось на той последней минуте видеозаписи, когда Элли смотрела на свое отражение в десять сорок три.

Тот факт, что Элли была в черной футболке и джинсах, что ее прекрасные мелированные золотом волосы были собраны сзади в неряшливый хвостик, что ее рюкзак был темно-синим, а белые кроссовки были стандартным ширпотребом из супермаркета, – все это добавило полиции проблем. Все выглядело точно так, будто она сознательно сделала себя невидимой.

Целых четыре часа ушло на тщательный обыск спальни Элли. Им, закатав рукава, занимались два детектива. Казалось, Элли не взяла ничего необычного. Возможно, прихватила нижнее белье, но Лорел никак не удавалось понять, что из вещей Элли исчезло из ее ящиков. Возможно, дочь и забрала сменную одежду, но у Элли, как у большинства пятнадцатилетних девчонок, было слишком много шмоток, – слишком много, чтобы Лорен могла досконально помнить все вещи дочери. В копилке Элли остались несколько плотно свернутых десятифунтовых банкнот, которые она клала туда после каждого дня рождения. Ее зубная щетка была в ванной, дезодорант тоже. Элли ни разу не ходила на

пижамные вечеринки и не уезжала отдыхать с ночевкой, не прихватив свою зубную щетку и дезодорант.

Через два года полиция прекратила поиски. Лорел знала, почему – посчитали Элли беглянкой.

Но как они могли решить, что Элли сбежала из дому, раз не нашлось ни единой видеозаписи ни на одном из вокзалов, ни на одной автобусной остановке, ни на одной дороге, кроме той, с которой она исчезла? То, что от поисков Элли отказались, разрушило мир Лорел.

Еще более разрушительным был ответ Пола на этот отказ:

– Значит, дело вроде как закрыто. Думаю, это конец.

И своим высказыванием он вбил последний гвоздь в крышку гроба, где лежали иссыхающие останки их брака.

Между тем жизнь детей неслась вперед, как поезд по расписанию. Ханна добилась оценок уровня А. Джейк окончил университет в Юго-Западной Англии и стал сертифицированным геодезистом.

Пол был занят продвижением по службе. Он покупал себе новые костюмы, рассуждал о модернизации автомобилей, показывал Лорел отели и курорты в Интернете, где летом были специальные предложения.

Пол никогда не был плохим человеком. Он был хорошим. Лорел вышла замуж именно за хорошего человека, как и планировала. Но то, как он справлялся с жуткой пропастью, возникшей в семейных отношениях после исчезновения Элли, показало Лорел, что он был не очень-то энергичным, не таким уж и сильным, недостаточно яростным.

Разочарование в Поле было такой ничтожной частью всего остального, что у Лорел появилось ощущение, будто муж ей уже почти безразличен. Когда год спустя он съехал, это было пустяком, ничем. Разве что крохотной вспышкой в бесцветном существовании Лорел. Теперь, оглядываясь назад, она очень мало что могла вспомнить о том времени, за исключением того, что у нее была острая

потребность продолжить поиски пропавшей дочери.

– Нельзя ли поискать еще на одной улице, еще в одном доме? – умоляла Лорел полицию. – Последний раз это делали год назад. Достаточно много времени прошло, и, может быть, появилось то, чего не нашли прежде.

Сотрудница полиции, занимавшаяся розыском, вежливо улыбнулась:

– Мы все обсудили и решили, что это будет нецелесообразное использование ресурсов. Не теперь. Не в этот раз. Возможно, продолжим через год или около того.

Однако в январе того же года из полиции неожиданно позвонили и сообщили, что Crimewatch[3 - Crimewatch – Британская телевизионная программа, созданная Би-би-си для реконструкции крупных нераскрытых преступлений с целью получения информации от общественности для помощи в расследовании.] хочет сделать передачу в связи с десятой годовщиной телевизионного обращения Лорел и Пола. Будет реконструкция тех событий – ни новых доказательств, ни свежих известий. Передача выйдет в эфир 26 мая.

Этот звонок не изменил ничего.

И вот, две минуты тому назад, опять звонок. Знакомый голос сотрудницы полиции, занимающейся розыском, звучал осторожно:

– Скорее всего, это ничего не значит. Но мы тем не менее хотим, чтобы вы приехали.

– Вы что-то нашли? – спросила Лорел. – Неужели тело?

– Пожалуйста, приезжайте, миссис Мэк.

Десять лет пустоты. И вдруг что-то.

Лорел схватила сумочку и выбежала из дома.

5

В прошлом

Эту женщину порекомендовал кто-то из соседей. Ее звали Ноэль Доннелли. Элли встала, как только прозвенел звонок, и выглянула в прихожую, когда мама открыла дверь. Вошедшая была довольно стара, возможно, лет сорока или около того. Говорила с акцентом, ирландским или шотландским.

– Элли! – позвала мама. – Иди, познакомься с Ноэль.

У Ноэль были бледно-рыжие волосы, скрученные и скрепленные на затылке. Она улыбнулась девочке.

– Добрый день, Элли. Надеюсь, ты уже включила мозги?

Элли пока не могла сказать, была ли Ноэль забавной или нет, поэтому в ответ не улыбнулась, а только кивнула.

– Хорошо, – сказала Ноэль.

Лорел с дочкой приспособили угол столовой для первого урока. Принесли дополнительную лампу из комнаты Элли, устранили беспорядок, поставили два стакана, кувшин с водой и пенал в черный и красный горошек.

Лорел скрылась в кухне, чтобы приготовить чашку чая для Ноэль. Та задержалась, увидев домашнего кота, сидящего на винтовом табурете у пианино.

– Ну, – сказала Ноэль, – он большой молодец. Крупный парень. Как зовут?

– Мишук, – ответила Элли. – Плюшевый мишка. Для краткости Мишук.

Это были ее первые слова, обращенные к Ноэль. Их Элли никогда не забудет.

– Ну, я отлично понимаю, почему вы зовете его именно так. Он и в самом деле похож на большого волосатого медведя!

Понравилась ли Ноэль девочке в тот день? Элли не могла потом вспомнить. Она просто улыбнулась, положила руку на кота и зажала его пушистый мех в кулаке. Она любила Мишука и была рада, что он оказался своего рода буфером между нею и незнакомкой.

Ноэль Доннелли пахла маслом для жарки и грязными волосами. Она была в джинсах и верблюжьего цвета джемпере с катышками. На веснушчатом запястье часы Таймекс[4 - Таймекс входит в пятерку крупнейших производителей часов в мире. Ассортимент очень разнообразен, и каждый может найти часы на свой вкус и кошелек.], на ногах обшарпанные коричневые ботинки, а на зеленом шнуре вокруг шеи очки для чтения. Плечи слишком широкие, а шея слегка наклонная с каким-то горбом сзади. Ноги очень длинные и тощие. Выглядела Ноэль так, будто провела всю свою жизнь в комнате с чрезвычайно низким потолком.

– Ну, ладно. – Ноэль надела очки и начала рыться в коричневом кожаном портфеле. – Я взяла с собой несколько старых тестов со школьных выпускных экзаменов. Начнем с того, что определим твои сильные и слабые стороны. Не пройдет и мига, как мы доберемся до сути твоих достоинств и недостатков. Но, может, сначала сама расскажешь, какие у тебя проблемы?

Лорел принесла кружку чая и несколько шоколадных печений на блюдце. Молча поставила на стол. Она вела себя так, будто Элли и Ноэль Доннелли были на свидании или на сверхсекретной встрече. Элли чуть не сказала маме: «Останься со мной. Я не готова находиться одна с этой незнакомкой».

Она сверлила глазами затылок матери, когда та украдкой покинула комнату, тихонечко закрыв за собой дверь. Послышался лишь мягкий щелчок.

Ноэль Доннелли повернулась к Элли и улыбнулась. Стали видны на удивление мелкие зубы.

– Отлично, – Ноэль поправила очки на узкой переносице, – так на чем мы остановились?

6

Мир казался омрачен страшным предзнаменованием, когда Лорел мчалась на максимально разрешенной скорости, чтобы поскорее добраться до полицейского участка Финсбери Парк. Люди на улицах выглядели зловещими и наводили на мрачные размышления, будто каждый был на грани совершения страшного преступления. Тенты хлопали на свежем ветру, как крылья хищных птиц. Рекламные щиты готовы были упасть на дорогу и раздавить Лорел.

Адреналин взрывался, помогая превозмочь усталость.

С 2005 года Лорел ни разу не спала хорошо.

Последние семь лет она жила одна, а три года назад переехала из их с Полом дома в квартиру. Последней каплей послужило то, что Пол начал встречаться с другой – то есть своим отношениям с Лорел не оставил ни единого шанса.

Подруга Пола предложила ему жить вместе, и он согласился. Лорел не могла понять, как он смог сделать это? Как смог уцелеть под обломками рухнувшего мира? Но она не винила его. Ничуть. Ей бы очень хотелось сделать то же самое. Ей было жаль, что она не смогла упаковать пару больших чемоданов и попрощаться с той, прежней, собой, пожелать себе хорошей жизни, поблагодарить себя за все воспоминания, с любовью посмотреть на себя в течение долгого, никак не прекращающегося, долгожданного момента, а затем, высоко подняв подбородок, тихо закрыть за собой дверь в ожидании солнечного утра, ловить теплые лучи на своей макушке с надеждой на новое светлое будущее. Она могла бы сделать это и глазом не моргнув. Она и вправду хотела так поступить.

Конечно, Джейк и Ханна тоже переехали. Раньше, чем Лорел рассчитывала и чем они могли бы переехать, если бы жизнь не сошла с рельсов десять лет тому назад. У Лорел были друзья с детьми того же возраста, что Джейк и Ханна, и те дети все еще жили в родительском доме. Ее друзья буквально стонали из-за пустых картонных коробок из-под апельсинового сока в холодильнике; из-за ужасных звуков, сопровождающих занятия сексом; из-за шумных, пьяных возвращений из ночного клуба, когда в четыре часа детишки решали выпустить

собаку погулять, а родители уже не могли заснуть до утра.

До чего же Лорел хотелось услышать, как Джейк утром сталкивается с Ханной по пути в ванную или Ханна с ним! Как бы хотелось найти на столе грязную посуду, а на полу – мятые спортивные штаны, снятые вместе с нижним бельем. Но нет, оба ее ребенка даже не оглянулись, как только увидели свое спасение в побеге. Теперь Джейк живет в Девоне[5 - Девон, или Девоншир – графство в Юго-Западной Англии.] с девушкой по имени Блю. Она не спускает с него глаз и уже заговорила о младенцах – всего лишь через год после начала отношений. Ханна живет в миле от Лорел в крошечной, мрачной квартирке, работает каждый день, включая выходные, по четырнадцать часов – безо всякой на то причины, кроме разве что финансового вознаграждения. Ни Джейк, ни Ханна не освещают мир Лорел, но чьи дети сделали бы это в наше время? Где надежды, мечты и разговоры о балеринах и звездах эстрады, о пианистах и сногсшибательных ученых, ломающих границы? И Джейк, и Ханна быстренько нашли работу в офисе.

Лорел живет в новостройке в Барнете[6 - Барнет – один из 32 районов, расположен на севере Большого Лондона.]. Одна спальня для хозяев, то есть для Лорел, другая – для гостей. Балкон, достаточно большой, чтобы поместились красивый цветочный горшок, стол и стулья. Сверкающий желто-красный кухонный гарнитур. Выделенное место для парковки. Совсем не о таком доме она раньше мечтала. Но зато жить здесь просто, легко и безопасно.

И чем Лорел могла заполнять свои дни теперь, когда ее дети разъехались? Когда муж ушел? Когда даже кот покинул ее, хотя она старалась изо всех сил, чтобы он продолжал жить. Но он и так продержался на этом свете без малого двадцать один год. Три дня в неделю Лорел работала в отделе маркетинга торгового центра вблизи Хай Барнет[7 - Хай Барнет (англ. High Barnet) – станция метро Лондона и бывший железнодорожный вокзал, расположенный в Северном Лондоне.]. Раз в неделю навещала мать в доме престарелых в Энфилде[8 - Энфилд – район на севере Лондона.]. Тоже раз в неделю ездила к Ханне, чтобы убрать ее квартиру. В остальное же время притворялась, что делает важные для себя вещи. Например, покупала растения в садовых центрах, чтобы украсить балкон; ходила в гости к друзьям, которые ей на самом деле были безразличны. С ними Лорел пила кофе, которым давно перестала наслаждаться, говорила о вещах, совсем не интересующих ее. Раз в неделю ходила поплавать в бассейн. Не затем, чтобы поддерживать форму, не ради аэробики, а просто потому, что всегда делала это и не нашла достаточно веской причины прекратить эти

походы.

Поэтому после стольких лет было странно покидать дом с чувством безотлагательности, с ощущением необходимости сделать нечто, по-настоящему важное.

Ей должны что-то показать. Кусок кости? Возможно, клочок окровавленной ткани или фотографию раздутого трупа, плавающего в мутной воде? Совсем скоро Лорел узнает что-то важное после десяти лет, за которые не узнала ничего. Ей могут представить доказательства, что ее дочь все еще жива – или уже давно мертва. Лорел боялась, что, скорее всего, верным окажется последнее.

Ее сердце тяжело билось под ребрами, пока она приближалась к Финсбери Парк.

7

В прошлом

В течение зимы Ноэль Доннелли начала привязываться к Элли. Гораздо сильнее, чем можно было ожидать от еженедельных уроков. Главным образом потому, что Ноэль была и вправду хорошей учительницей, а Элли теперь числилась в группе лучших учеников класса. А еще потому, что Ноэль часто приносила Элли маленькие подарки – то пакетик с сережками из магазина Claire’s, то бальзам для губ с фруктовым вкусом. Каждый презент она сопровождала словами:

– Для моей лучшей ученицы. – И если Элли протестовала и не хотела брать, то Ноэль говорила: – Я просто была в Брент Кроссе[9 - Брент Кросс – торговый центр.]. На самом деле эти безделушки ничего не значат.

Еще она всегда справлялась о Тео, которого однажды встретила на втором или третьем уроке.

– И как поживает тот твой красавчик, твой парень? – такой вопрос мог бы показаться унизительным, но не был таким главным образом из-за милого

ирландского акцента, который делал речь Ноэль более забавной и интересной, чем она была на самом деле.

– Он в порядке, – отвечала Элли, и Ноэль улыбалась ей своей немного холодной улыбкой, а затем говорила:

– Ну, он же твой хранитель.

Выпускные экзамены в школе теперь не маячили угрозой. Был март, и Элли вела обратный отсчет до экзаменов уже в неделях, а не в месяцах. Дневные занятия с Ноэль по вторникам стали проходить интенсивнее, так как мозг Элли лучше напрягался, а факты и формулы впитывал гораздо легче, чем раньше. Потому-то Элли сразу заметила смену настроения Ноэль в первый вторник марта.

– Добрый день, юная леди, – сказала Ноэль, ставя сумку на стол и расстегивая на ней молнию. – Как дела? Как сама?

– Все хорошо. Я в порядке. Спасибо.

– Ну, вот и славно. Я рада. Как ты справилась с домашней работой?

Элли подвинула тетрадку к Ноэль. Обычно та надевала очки и начинала проверять задание немедленно, но сегодня просто положила кончики пальцев на исписанные листки и рассеянно барабанила по ним.

– Хорошая девочка, – сказала Ноэль и повторила: – Ты очень хорошая девочка.

Элли вопросительно посмотрела на учительницу, ожидая сигнала, что вот-вот начнется урок. Однако та слепо уставилась на домашнюю работу.

– Скажи-ка мне, Элли, – в конце концов произнесла Ноэль, подняв на девочку немигающий взгляд. – Что было самым плохим из всего, случившегося с тобой?

Элли пожала плечами.

– Ну что? – настаивала Ноэль. – Умер твой хомячок? Или что-то в этом роде?

– У меня никогда не было хомячка.

– Хм, это хорошо. Может, то, что у тебя никогда не было хомячка, и оказалось самым плохим для тебя?

Элли опять пожала плечами.

– Я никогда и не хотела его.

– А что бы ты хотела? По-настоящему хотела, но тебе не разрешили?

Элли слышала, как на кухне работает телевизор. Наверху гудит пылесос – мама занята уборкой. Сестра с кем-то болтает по телефону. Семья живет своей жизнью, и никому из домочадцев не нужно вести с учительницей математики странные разговоры о хомяках.

– На самом деле ничего важного. Самые обычные вещи: деньги, одежда.

– Ты никогда не хотела собаку?

– Вообще-то нет.

Ноэль вздохнула и придвинула к себе домашнюю работу Элли.

– Ну, тогда ты и вправду счастливая девочка. И я надеюсь, ты ценишь, как тебе повезло.

Элли кивнула.

– Ну и хорошо. Вот доживешь до моих лет, захочешь кучу вещей. А когда увидишь, как все остальные получают их, то будешь думать: ну вообще-то теперь должна быть моя очередь. Несомненно. Но нет, ты сможешь только смотреть, как все эти вещи бесследно улетучиваются. И у тебя нет ни единого шанса что-то поделать с этим. Совсем нет.

На миг повисла гнетущая тишина. Ноэль медленным движением поправила очки, откинула первую страницу домашней работы Элли и сказала:

– Ну и ладно. А сейчас давай посмотрим, как моя лучшая ученица отработала эту неделю.

– Скажи мне, Элли, какие у тебя надежды и мечты?

Элли застонала про себя – опять у Ноэль Доннелли странное настроение.

– Да просто хочу отлично сдать выпускные экзамены. Затем поступить в хороший университет.

Ноэль неодобрительно хмыкнула и закатила глаза.

– Ну что такое происходит с вами, молодыми, и почему вы одержимы университетами? О, с какой помпой отмечали мое поступление в Тринити-ко?лледж! Для моей матери это было грандиозным событием. Она не могла прекратить болтать всему миру, что ее единственная девочка поступила в Тринити! И посмотри на меня сейчас. Я одна из самых бедных, кого только знаю.

Элли улыбнулась и начала обдумывать, что бы на это сказать.

– В жизни есть много всего, помимо университета, мисс Всезнайка. Есть нечто большее, чем свидетельства, сертификаты, дипломы и высшая квалификация. У меня всего этого более чем предостаточно, разве что из ушей не прет. Но взгляни на меня. Вот я сижу здесь, с тобой, в твоем прекрасном теплом доме, пью твой шикарный чай «Эрл Грей», и мне платят сущие гроши за то, что я вкладываю мои знания тебе в голову. Потом я возвращаюсь домой, а там ничего нет. Пустота. – Она резко повернулась и уперлась в Элли взглядом. – Пустота. Клянусь тебе! – Она вздохнула и вдруг улыбнулась. Очки поползли вверх по ее носу, и она отвела взгляд от Элли. Урок начался.

После ухода Ноэль Элли нашла маму в кухне и сказала:

– Мам, я хочу прекратить эти занятия.

Лорел обернулась и удивленно взглянула на дочь.

– О? А почему?

Элли хотелось раскрыть ей правду. Не сказать ли «Ноэль изматывает меня, говорит жуткие вещи, и я больше не могу каждую неделю проводить наедине с ней целый час»? Как же Элли хотелось рассказать маме правду! Возможно, тогда маме удалось бы все исправить, и жизнь сложилась бы иначе. Но по каким-то причинам Элли не сказала этого. Наверное, ожидала, что мама сочтет такую причину слишком глупой, чтобы из-за этого бросить уроки перед самыми экзаменами. А может, Элли опасалась, что, если расскажет матери о странностях своей учительницы, Ноэль попадет в беду.

Как бы то ни было, Элли решила объяснить так:

– Честно говоря, Ноэль исчерпала свои возможности. У меня остались практически все методики и тесты, которые она давала мне. Я могу заниматься сама. Заодно сэкономим немного денег.

И победоносно улыбнулась, ожидая ответа.

– Ну, все же немного странно бросать занятия прямо перед экзаменами.

– Верно. Но я думаю, есть и другие вещи, какие я могла бы делать, используя это время. Учить географию, например.

Это было стопроцентной неправдой. Элли и без того прекрасно успевала по всем предметам. Лишний час в неделю ничего бы не изменил. Но она нежно улыбнулась, оставив решение за мамой.

– Ну, дорогая, как знаешь.

Элли благодарно кивнула. В ее ушах до сих пор звучали странные слова Ноэль, в носу стоял надоевший аромат старой кулинарии и запах грязных волос. Девочка не могла забыть, как ее беспокоили перепады настроения Ноэль и вопросы, не имеющие никакого отношения к математике.

– А ты уверена? Если так, то было бы хорошо избавиться от лишних расходов, – подытожила мать.

Элли ощутила волну облегчения.

– Абсолютно уверена.

– Хорошо. – Мама открыла холодильник и вынула тюбик с соусом Болоньезе. – Завтра же позвоню ей и скажу, что мы закончили.

– Отлично, – обрадовалась Элли, и будто странный, противный груз свалился с ее души. – Спасибо.

8

Полицейский поздоровался с Лорел. Он был молод, выглядел измученным, рука его оказалась липкой, и было заметно, что ему не по себе. Он привел Лорел в комнату для допросов.

– Спасибо, что приехали, – сказал он так, будто у нее был выбор: ехать или не ехать. Будто она могла сказать: Извините, у меня сегодня слишком много дел. Может, встретимся через недельку?

Кто-то пошел за чашкой воды для нее. Только она уселась, как дверь опять отворилась и появился Пол.

Боже, ну конечно же. Лорел даже не вспомнила о Поле, а отреагировала на звонок так, будто только одна она переживает случившееся и несет за все ответственность.

Но ясно, в полицейском участке кто-то подумал и о Поле.

Он ворвался в комнату. Его серебристые волосы висели патлами. Костюм помят и пропитан городскими запахами. Рука Пола потянулась к плечу Лорел, когда он

проходил мимо, но она не смогла заставить себя повернуться, чтобы выразить ему признательность, а лишь слегка улыбнулась присутствующим офицерам полиции.

Пол плюхнулся рядом с Лорел, прижимая руку к галстуку. Кто-то принес ему чай из автомата. Она почувствовала раздражение из-за этого чая. А еще почувствовала, что злится на Пола.

– Мы обследовали участок недалеко от Дувра[10 - Дувр – город и порт в Великобритании, в графстве Кент, административный центр одноименного района.], – сказал детектив по имени Дейн. – Нам позвонил выгульщик собак. Его терьер выкопал сумку.

Сумка. Лорел порывисто кивнула. Сумка не тело.

Дейн вытащил из конверта и бросил на стол фотографии размером приблизительно 10 на 8 дюймов[11 - Приблизительно 25 см на 20 см.], потом подтолкнул их к Лорел и Полу.

– Узнаете какой-нибудь из этих предметов?

Лорел придвинула к себе фотографии.

Сумка Элли. Ее рюкзак. Тот, который она накинула на плечо, когда вышла из дома, направляясь в библиотеку столько лет тому назад. На рюкзаке красовалась красная эмблема, малюсенький яркий логотип, который был очень важен при обращении в полицию. Из всего, что Элли имела при себе в тот день, этот логотип был практически единственным признаком, указывающим на ее личность.

На второй фотографии – черная футболка, свободный пуловер без ворота, с короткими цельновязанными рукавами. На этикетке внутри отмечен бренд – New Look. Эту футболку Элли обычно заправляла в джинсы спереди.

На третьей – трикотажный лифчик серого цвета с мелкими черными горошинами. На этикетке – Atmosphere.

На четвертой – светлые джинсы. Судя по этикетке – Topshop.

На пятой – пара потрепанных белых кроссовок.

На шестой – простая черная худи с лейблом Next.

На седьмой – связка ключей от дома с пластмассовым брелоком в виде маленькой совы, глаза которой загорались, когда нажимали кнопку на ее животе.

На восьмой – груда тетрадей и учебников, позеленевших и подгнивших.

На девятой – пенал в черный и красный горошек, набитый ручками и карандашами.

На десятой – запасные трусики и раздувшиеся грязные гигиенические прокладки.

На одиннадцатой – крошечный кожаный кошелек и фиолетово-красная сумочка в стиле пэчворк[12 - Пэчворк – вид рукоделия, при котором по принципу мозаики сшивается цельное изделие из кусочков ткани.] с трехсторонней молнией и красным помпоном.

На двенадцатой – маленький ноутбук, старомодный и слегка потрепанный.

На последней – паспорт.

Лорел потянула к себе фотографию, чтобы получше рассмотреть. Пол наклонился ближе, но она оттолкнула фото так, чтобы оно оказалось ровно между ними.

Паспорт.

Но Элли не взяла свой паспорт. Он все еще был у Лорел. Время от времени она доставала его из коробки с вещами Элли и смотрела на призрачное лицо дочери, думая о поездках, в которые она никогда не отправится.

Лорел вгляделась внимательнее и поняла, что это паспорт не Элли.

А Ханны.

– Не понимаю. Это же паспорт моей старшей дочери. Мы думали, она потеряла его. Но… – Лорел снова взглянула на фотографию, коснулась краешка пальцами, – оказывается, он был здесь. В сумке Элли. Где вы нашли все это?

– В чаще леса, – ответил Дейн. – Не очень далеко от паромной переправы. Одна версия, которую мы рассматриваем, заключается в том, что, возможно, ваша дочь была на пути в Европу. Учитывая наличие паспорта.

Лорел почувствовала прилив гнева. Полицейские опять ищут доказательства прежней версии, что Элли сбежала из дому.

– Но это ее сумка, – сказала Лорел. – Именно с этими вещами она исчезла, когда ей было пятнадцать. И через столько лет вы говорите, что она взяла только это, чтобы покинуть страну? В ваших словах нет никакого смысла.

Дейн посмотрел на Лорел почти нежно.

– Мы проанализировали одежду и получили доказательства интенсивного износа.

У Лорел сжало в груди, когда она представила свою прекрасную девочку, всегда такую безупречно чистую, пахнущую свежестью и сладостным ароматом, блуждающую в одной и той же одежде в течение многих лет.

– Так… где она? Где Элли?

– Мы ищем ее.

Лорел ощутила на себе взгляд Пола и поняла, что сейчас нужна ему, чтобы вместе разобраться с этой беспорядочной информацией. Но не могла смотреть ему в глаза, была не в силах столкнуться с его настойчивым взглядом, не в состоянии дать ему часть себя.

– Знаете, – начала Лорел, – спустя несколько лет после того, как пропала Элли, у нас была кража со взломом. Тогда же я и сообщила полиции. Я думала, что это была Элли, поскольку не было ни разрушений, ни беспорядка, и казалось, что… – Она удержалась от рассказа о необоснованных ощущениях. – Должно быть, тогда-то Элли и взяла паспорт Ханны. Наверное, она…

Лорел умолкла. Возможно ли, что полиция все время была права? В том, что Элли сбежала? В том, что планировала побег? Но зачем? Куда? И почему?

Отворилась дверь, и в комнату вошел еще один полицейский. Он приблизился к Дейну и прошептал ему что-то на ухо. Затем оба посмотрели на Лорел и Пола. Дейн напрягся и поправил галстук.

– Найдены человеческие останки.

Лорел инстинктивно положила свою руку на руку Пола и так сильно сжала ее, что почувствовала, как прогнулись кости.

9

В прошлом

– Что будем делать летом?

Тео, чья голова мирно покоилась на коленях Элли, повернулся, посмотрел на нее и улыбнулся.

– Ничего, – сказал он. – Давай совсем ничего не делать.

Элли отложила книгу в мягкой обложке и провела рукой по щеке Тео.

– Ни в коем случае. Я хочу многое сделать. Только не изучать что-то, не учить правила, не повторять пройденное. Я хочу заняться парапланеризмом. Мы ведь сможем? Будем летать на параплане?

– Значит, суть твоего плана на лето состоит в том, чтобы умереть? – Тео засмеялся. – Ты у меня такая странная.

Она легонько стукнула его кулаком по щеке.

– Никакая я не странная. А просто хочу летать.

– В буквальном смысле?

– Да. И мама сказала, что мы можем несколько дней пожить в доме бабушки. Конечно, если захотим.

Тео просиял.

– Серьезно? Без шуток? Типа, мы вдвоем?

– Или можем пригласить нескольких друзей.

– Может, только мы?

Он игриво кивнул, и Элли рассмеялась.

– Пожалуй, так.

Так они говорили субботним майским днем в спальне Элли, где готовились к выпускным экзаменам – до них осталась неделя – и сделали перерыв. За окном светило солнце. Кот Мишук лежал рядом с ними, и воздух был наполнен пыльцой и надеждами. Мама Элли всегда говорила, что май похож на пятничный летний вечер – впереди выходные, полные радости и солнечного света. Элли уже чувствовала, как блестящая жизнь ждет ее по другую сторону темного тоннеля экзаменов. Она уже предвкушала теплые ночи и долгие дни, легкость от того, что не надо ничего делать, никуда идти. Она думала обо всем, что может делать, как только закончит эту главу своей жизни. О книгах, которые хотела прочитать. О пикниках, где можно съесть уйму вкусностей. О ярмарках, парках развлечений и походах по магазинам. О праздниках. На мгновение она затаила дыхание от предчувствия всего этого. Оно переполнило ее, и сердце пустилось в пляс.

– Не могу дождаться, – призналась она, – когда вся эта канитель закончится.

10

Полицейское расследование кражи со взломом в доме Лорел в то время окончилось ничем. Ни на одной вещи не было найдено чужих отпечатков пальцев. На записях камер видеонаблюдения, начиная с двух часов дня, когда Лорел вышла из дома, не нашлось ни одного человека, подходящего под описание Элли, да и вообще девочки-подростка. «Воры» взяли древний ноутбук, старый телефон Пола, немного налички из ящика с нижним бельем Лорел и пару серебряных подсвечников в стиле ар-деко – очень богатые знакомые, с которыми давно не дружили, подарили их Лорел и Полу на свадьбу. Да еще исчез торт, который Ханна испекла накануне – он стоял на кухонном столе и в день кражи должен был быть покрыт глазурью.

Не унесли драгоценности Лорел, включая ее свадебные и обручальные кольца. Она сняла их уже несколько месяцев тому назад и положила на самом виду – на комоде в ее спальне. Не взяли Мас, более новый и ценный, чем ноутбук, который украли. Не забрали кредитные карты Лорел. Она их хранила в одном из кухонных ящиков, чтобы, если бы на нее напали на улице, карты не были украдены.

– Возможно, им не хватило времени или что-то их спугнуло, – предположил один из полицейских, зашедший через парадную дверь через десять минут после того, как Лорел вызвала полицию. – Или это воровство по заказу, и они знали, что можно продать и кому.

– Странно. – Лорел плотно скрестила руки на груди. – Не знаю… почему-то я чувствую, что это странно. – Она посмотрела на полицейских прямо и напряженно. – Моя дочь исчезла четыре года назад. Элли Мэк. Помните?

Те обменялись взглядом и снова посмотрели на Лорел.

– Я почувствовала ее, – слова прозвучали и безумно, и беззаботно. – Когда я вошла в дом, то ощутила, что моя дочь здесь.

Полицейские опять обменялись взглядом.

– Что-нибудь из ее вещей пропало?

Лорел покачала головой и пожала плечами.

– Я так не думаю. Я была в ее комнате, и там все как обычно.

Наступило гробовое молчание. Полицейские неловко переминались с ноги на ногу.

– Мы не нашли ни сломанных замков, ни разбитых окон. Как грабитель мог получить доступ в дом?

Лорел медленно моргнула.

– Не знаю.

– Может, какое-нибудь окно было открыто?

– Нет, я… – Она даже не подумала об этом. – Я так не думаю.

– Вы оставляете ключ где-то поблизости?

– Нет. Никогда.

– У соседей? У друзей?

– Нет, нет. Ключи есть только у нас. У меня и моего мужа. У наших детей.

Едва она произнесла это, как ее сердце помчалось, ладони покрылись липкой влагой.

– Элли, – едва вымолвила она. – У Элли был ключ. В день, когда она пропала без вести. В ее рюкзаке. Что, если…

Полицейские уставились на Лорел, ожидая продолжения.

– Что, если она вернулась? Но откуда? Может, она в отчаянии? И потому взяла только те вещи, какие нам не нужны? Она знала, что мне не нравились те подсвечники. Я всегда говорила, что надо бы отнести их на антикварную распродажу, потому что они, вероятно, стоят целое состояние. Еще и торт!

– Торт?

– Да. На столе лежал шоколадный торт. Моя дочь испекла его. Моя другая дочь, Ханна. Я имею в виду, какой грабитель возьмет торт?

– Может, голодный?

– Нет, – отрезала Лорел. Ее надуманная версия крепла с огромной скоростью и готова была превратиться в факт. – Нет. Вот Элли точно взяла бы его. Она любила торты Ханны. Шоколадные были ее самыми любимыми, были… – Лорел умолкла. Она слишком напирала, отчуждая людей, пришедших ей помочь.

Никто из соседей не видел ничего необычного: во время кражи большинства из них даже не было дома. Ничто из украденного так никогда и не было возвращено. Что ж, еще один тупик. Еще одна зияющая дыра в жизни Лорел.

Долгие годы Лорел всегда была вблизи дома на случай, если Элли возвратится. Каждый раз, открывая входную дверь, Лорел принюхивалась, хотя уходила недалеко и ненадолго. Она надеялась учуять запах потерянной дочери. Именно в те годы она и потеряла связь с другими своими детьми. Лорел больше ничего не могла им дать, и они, наконец, устали ждать.

Три года назад Лорел наконец сдалась и перестала думать, что именно Элли снова побывала дома. Лорел согласилась, что была просто кража, а значит, нужно все начать заново, на пустом месте, и, в последний раз выйдя из спальни своей потерянной дочери, закрыла за собой дверь.

Замок тихо щелкнул. Этот звук едва не убил Лорел.

В течение трех лет она, как только могла, отталкивала от себя мысли об Элли. Лорел приучила себя к новому распорядку, жестокому, как смирительная рубашка. Три года она скрывала страдания своей души, держала их в себе, не говорила о них никому.

И вот они вырвались из-под контроля.

Лорел забралась в свой автомобиль, припаркованный возле полицейского участка, и, включив задний ход, чтобы выехать со стоянки, на миг остановилась, чтобы загнать страдания обратно – внутрь себя, как можно глубже.

Но перед ее глазами против воли возникло видение – в этот самый миг какие-то незнакомые люди в резиновых перчатках складывают кости ее дочери в пластиковый мешок. Внутри у Лорел все взорвалось и вырвалось наружу страшным ревом, разрывая звенящую тишину, до этого момента заполнявшую салон автомобиля. Лорел ударила по рулю кулаком, потом другим и начала колотить не переставая.

Потом она увидела, как Пол бредет к своему автомобилю. Волосы свисали на его перекошенное лицо, сутулые плечи были опущены. Лорел заметила, что он увидел ее. Шок застыл в его глазах, когда он заметил, как она разъярена. Через мгновение Пол решительно зашагал прямо к ней. Она мигом включила передачу и умчалась так быстро, как только было возможно.

11

В прошлом

После заключительного урока Элли почти не вспоминала о Ноэль Доннелли.

Мама, как и обещала, позвонила Ноэль, чтобы прекратить занятия. Та, по маминым словам, «попыталась капризничать» – начала ныть, дескать, знай она с самого начала, что занятия с Элли будут прерваны, то вообще не взялась бы за эту работу, потому что теперь у нее, то есть у Ноэль, появилось окно, которое

нечем заполнить, и поступать с ней так было, мягко говоря, не этично, и так далее, и тому подобное, и прочее бла-бла-бла. Тут Элли прервала маму, заявив, что уже чувствует себя виноватой.

– Да все в порядке, – Лорел начала утешать дочку. – Думаю, она вообще обидчива, да и поворчать любит. Но поверь, с ней все будет хорошо. Найдет себе какого-нибудь отстающего и будет готовить его к экзаменам. Чьи-нибудь родители непременно впадут в панику и в последний момент ухватятся за Ноэль.

Элли успокоили мамины слова, и она перестала думать о Ноэль Доннелли. Мысли заполнились текущими проблемами. А таких было сверх головы.

Элли даже не сразу узнала Ноэль Доннелли, когда увидела ее на центральной улице в то утро, в четверг перед майскими каникулами. Элли шла в библиотеку. К Ханне пришел друг, который слишком громко смеялся, слишком сильно раздражал Элли. А для подготовки к экзаменам нужны были тишина и покой. И еще книга о работных домах XIX века.

Оглядываясь назад, она могла бы сто раз обвинить шумного друга своей сестры в том, что из-за него очутилась на той улице, но Элли не хотела никого винить. Поиски виноватого бывают жутко изнурительными, могут свести с ума… Можно на самом деле потерять рассудок, если обдумывать все мелкие события и все пути, ветвящиеся на миллионы других путей – ведь один из них ты уже беззаботно выбрала и теперь идешь по нему туда, откуда никогда не найдешь дороги назад.

Ноэль выдавила странную улыбку, когда увидела Элли. Та вздрогнула, в течение наносекунды порылась в памяти, извлекла оттуда нужное и улыбнулась в ответ.

– Моя лучшая ученица! – произнесла Ноэль.

– Привет!

– Как дела?

– Нормально! Дела с математикой идут прекрасно.

– О, ну тогда все замечательно. – На Ноэль непромокаемый плащ цвета хаки, хотя синоптики обещали теплую, сухую погоду. Рыжие волосы убраны с лица и удерживаются на затылке заколками-крабами. На ногах дешевые черные кроссовки. К плечу Ноэль прижимала кремовую холщовую сумку. – Значит, все готово к великому дню?

– Да, вполне, – преувеличила Элли, не желая дать Ноэль возможность отчитать ее за прекращение их занятий.

– Во вторник, да?

– Да. В десять утра. Второй экзамен через неделю.

Ноэль кивнула, не отводя глаз от Элли.

– Ты знаешь, – сказала она, – на занятиях с другими моими учениками я использовала одну очень хорошую практическую работу. Все как один говорят, что было крайне полезно. И еще я слышала от знакомых, которым можно верить, что у данной работы есть много общего с экзаменом этого года. У меня есть несколько экземпляров, и если хочешь, я могу дать один тебе.

НЕТ, прокричала Элли про себя. НЕТ. НЕ ХОЧУ Я ВАШУ ПРАКТИЧЕСКУЮ РАБОТУ. Но ни с того ни с сего та Элли, которая хотела потратить лето на парапланеризм и потерять девственность, та, у которой на вечер была запланирована пицца, а на завтрашнее утро встреча с ее парнем, та самая Элли вдруг сказала:

– Да. Было бы неплохо.

– Тогда дай подумать, – Ноэль прикоснулась указательным пальцем к своим губам. – Я могу заскочить к тебе сегодня вечером. Я буду недалеко от твоего дома.

– Отлично, – сказала Элли. – Это было бы просто здорово.

– Или… Знаешь что, может, будет еще лучше, – Ноэль посмотрела на свои часы и быстро оглянулась, – я живу совсем рядом. – Она указала на боковой проулок. – Буквально через четыре дома. Почему бы тебе не зайти ко мне прямо сейчас?

Это займет всего десять секунд.

В то утро четверга на улице было много народу. Люди мелькали в обе стороны.

Впоследствии Элли будет задаваться вопросом, осталось ли в голове хоть кого-то из тех прохожих подспудное воспоминание о девочке с рюкзаком, одетой в черную футболку и джинсы, говорящей с женщиной в плаще цвета хаки с кремовой сумкой на длинном ремне, переброшенном через плечо. Элли будет представлять реконструкцию Crimewatch. Кого бы они сняли в ее роли? Наверное, Ханну, старшую сестру. В тот год они были почти одного роста. А рыжеволосой женщиной стала бы какая-нибудь сотрудница полиции, одетая в жуткий зеленый плащ и с легкостью перевоплотившаяся в Ноэль.

– Кто-нибудь из вас был там, – пристально глядя в камеру, спросит Ник Робинсон, ведущий передачу, – утром в четверг двадцать шестого мая? Кто-нибудь видел средних лет женщину с рыжими волосами, говорящую с Элли Мэк? Они стояли возле благотворительного магазина Красного Креста на Страуд Грин Роуд. Это было приблизительно в десять сорок пять. Вы могли запомнить тот день по погоде – в Лондоне была гроза. Вы видели женщину в плаще цвета хаки, идущую с Элли Мэк по направлению к Харлоу Роуд? – В этот момент на экране появится немного зернистая видеозапись камер наблюдения, и будет видно, как Элли и Ноэль вместе идут по Страуд Грин Роуд. Элли выглядит крошечной и уязвимой, когда сворачивает за последний угол и направляется прямо навстречу своей судьбе, как идиотка, которую поманили мнимым призом. – Пожалуйста, – продолжит Ник, – если вы помните хоть что-нибудь, что случилось в то утро, если вы видели Элли Мэк на Харлоу Роуд, свяжитесь с нами. Мы ждем вашего звонка.

Но никто не видел Элли в то утро.

Никто не заметил, как она говорила с рыжеволосой женщиной.

Никто не знал, что она пошла с нею к Харлоу Роуд.

Никто не приметил, как Ноэль Доннелли открыла дверь обшарпанного домишки с цветущей вишней возле него, как повернулась к Элли и сказала:

– Ладно, заходи.

Никто не увидел, как Элли вошла в дверь.

Никто не услышал, как за спиной Элли захлопнулась дверь.

12

Тот печальный день, когда Пол и Лорел хоронили найденную часть останков дочери, выдался по-летнему солнечным, хотя ленивое бабье лето уже шло к концу. Похоронили бедренные кости, большие берцовые и часть черепа.

Согласно отчету судебной экспертизы, неустановленное транспортное средство переехало Элли и протащило ее изувеченное тело в лесистую местность. После чего труп девочки был помещен в неглубокую могилу и оставлен там, чтобы животные нашли кости и растащили их. Полицейские с собаками много дней обследовали лес, где были найдены останки Элли, но больше ничего не обнаружили.

Полиция перерыла документацию гаражей и автосервисов – искали автомобили, доставленные с повреждениями, соответствующими наезду на Элли. В окрестностях распространили множество листовок с вопросами. Не видел ли кто-либо женщину, путешествующую автостопом, или пассажирку автобуса, или просто молодую женщину с темно-синим рюкзаком? Не останавливалась ли она в вашем мотеле, вашем доме? Не натолкнулись ли вы на нее, когда она спала на улице? Вы узнаете эту девочку пятнадцати лет? А эту двадцатипятилетнюю женщину, фотография которой создана при помощи компьютерной программы, дающей возможность состарить лицо?

Полицейские распространяли фотографии подсвечников Лорел. Кто-нибудь продавал их? Или видел? Или купил? Но никакой информации не поступило. Никто ничего не видел. Никто ничего не знал. Прошло двенадцать недель, и шквал активности затих.

И теперь известно, что Элли умерла. Надежда исчезла. Лорел одна. Ее семья разрушена. Не осталось ничего. В самом прямом смысле.

Так и тянулась жизнь, пока Лорел не встретила Флойда. А произошло это спустя месяц после похорон Элли.

Часть вторая

13

Лорел вручает молодой девушке, помывшей ее волосы, монету в два фунта и мило улыбается.

– Спасибо, Дора.

Затем протягивает парикмахеру-стилисту банкноту достоинством в пять фунтов стерлингов.

– Огромное спасибо, Таня! Прическа выглядит великолепно!

Перед уходом Лорел еще раз смотрит на себя в огромное зеркало, висящее на стене. Волосы длиной до плеч, светлые, блестящие и элегантные. Они абсолютно не соответствуют тому, что находится под ними. Если бы Лорел могла заплатить кому-нибудь в Страуд Грин восемьдесят фунтов, чтобы взамен получить солнечную, цветущую, шелковую, будто уложенную феном, душу, то дала бы чаевые гораздо больше пяти фунтов.

Ветреный осенний день встречает Лорел на улице. Волосы, легкие, как шелк, вьются вокруг головы. Уже поздно, и Лорел проголодалась. Решив, что не может терпеть до дома, она открывает дверь кафе, расположенного через три дома от парикмахерской. Взяв капучино без кофеина и горячий сэндвич с сыром, начинает быстро есть. Сыр отрывается от хлеба непослушными нитями. Они рвутся и хлопают Лорел по подбородку. Она берет бумажную салфетку, вытирает жир с подбородка и замечает, что дверь кафе открывается. Входит мужчина.

Он среднего роста и телосложения, ему около пятидесяти. Волосы короткие, темные, с сединой на висках. Немного поредевшие. На носу очки в черепаховой оправе. На вошедшем очень приличные джинсы и хорошая рубашка. Ботинки на шнуровке. Такого качества одежду носил и Пол. И сколь бы противоречивыми и страшно запутанными ни были сейчас чувства Лорел к Полу, она должна признать, что он всегда выглядит прекрасно.

К своему удивлению, она обнаруживает, что почти восхищена задержавшимся в дверном проеме мужчиной. В нем есть нечто особенное: небольшая развязность и определенно – разве она смеет говорить это? – мерцающий огонек в глазах. Лорел наблюдает, как он стоит в очереди у прилавка. Она замечает, что у него плоский, но мягкий живот, красивые руки. Одно ухо торчит немного больше другого. Он не красив в традиционном значении слова, но обладает видом человека, который давно примирился со своими физическими недостатками и переключил все внимание на свою индивидуальность.

Он заказывает кусок морковного торта и черный кофе. По акценту трудно определить, кто он. Возможно, американец. Или другой иностранец, блестяще выучивший английский язык в США. Вот он забирает заказ и несет его к столу, стоящему рядом с ее столом. У Лорел перехватывает дыхание. Кажется, мужчина не заметил, что она уставилась на него. Интересно, что столик он выбрал самый близкий к ней, хотя в кафе полно свободных мест. У Лорел начинается паника из-за того, что неосознанно могла привлечь внимание этого мужчины. Ведь ей не нужно ничье внимание.

Несколько секунд они так и сидят – бок о бок. Он ни разу не посмотрел на нее, но Лорел чувствует, что от него исходит неясное намерение. Мужчина играет со своим смартфоном. Лорел медленно доедает сэндвич с сыром, уже не набивая рот. Через какое-то время к ней приходят мысли, что она всего лишь вообразила, что между ней и мужчиной что-то пробежало. Она допивает кофе и собирается уйти.

И тогда слышит:

– У вас красивые волосы.

Она поворачивается, шокированная его словами, и произносит:

– О.

– На самом деле симпатичные. Очень красивые.

– Спасибо. – Ее рука машинально поднимается к волосам. – Мне их только что уложили. Обычно они не так хорошо выглядят.

Он улыбается.

– Вы когда-нибудь заказывали здесь этот морковный торт?

Она качает головой.

– Это довольно странно. Хотите попробовать?

У Лорел вырывается нервный смешок:

– Нет, спасибо, я…

– Послушайте, у меня есть чистая ложка, вот. – Он подталкивает торт через свой стол поближе к Лорел. – Давайте же! Я ни за что не смогу съесть все это один.

В тот самый миг тонкая яркая полоска света пробегает через зал кафе, падает на ложку, и та начинает сверкать, будто в свете факела. На торте видны следы вилки, и момент довольно интимный – инстинктивно Лорел хочет отступить и уйти. Но не так-то просто отвести взгляд от блесток, искрящихся на серебряной ложке, и у Лорел появляется странное ощущение, будто в ее жизни что-то начинает зарождаться. Что-то вроде надежды.

Она берет ложку и зачерпывает маленький кусочек торта с того краю, которого не коснулась вилка мужчины.

Его зовут Флойд. Флойд Данн. Он протягивает руку и произносит:

– Рад знакомству, Лорел Мэк.

Его пожатие сильное и теплое.

– Что у вас за акцент? – спрашивает она, придвигая свой стул к его столу, и чувствует, как солнечные лучи согревают ей затылок.

– А, – говорит он, промокая губы бумажной салфеткой. – Лучше спросите, какого акцента у меня нет. Я сын очень амбициозных американцев, которые разъезжали по всему миру, часто меняя работу. Четыре года в США. Два в Канаде. Опять четыре в США. Четыре в Германии. Год в Сингапуре. Три в Великобритании. Родители возвратились в Штаты, а я остался здесь.

– Значит, вы здесь уже давно?

– Всего я провел здесь, – он поднимает глаза, подсчитывая, – тридцать семь лет. У меня есть британский паспорт. Британские дети. Британская же бывшая жена. Я слушаю сериал «Арчеры»[13 - «Арчеры» (The Archers) – На данный момент это самая длинная радиодрама в истории – более 18 тыс. эпизодов. «Арчеры» – важный элемент британской культуры.]. И полностью ассимилирован.

Он улыбается. Лорел смеется.

Она ловит себя на том, что сидит в кафе в середине дня, говорит со странным мужчиной и смеется над его шутками. Как это могло произойти? И почему именно сегодня? Разве за ее плечами не сотни черных дней, прошедших с тех пор, как пропала Элли? Возможно, сегодняшние события – результат завершения ее поисков? Возможно, именно так и происходит после того, когда ты, наконец, хоронишь своего ребенка?

– Так вы живете поблизости? – спрашивает Флойд.

– Нет. В Барнете. Но раньше жила здесь. Несколько лет назад. Потому-то здесь моя парикмахерская и мой парикмахер. У меня жуткий страх позволить кому-то другому трогать мои волосы. Вот я и приезжаю сюда каждый месяц.

– Ну… Что ж… – Он, прищурившись, оглядывает ее волосы. – Похоже, оно того стоит.

Его тон кокетлив, и ей надо выяснить, странный этот мужчина или нет.

В самом деле, есть ли в нем что-то необычное, неправильное? Что с ним не так? Неужели она не в состоянии увидеть предупреждающие знаки? Он что, собирается обмануть ее, изнасиловать, похитить? Или преследовать ее? Вдруг он безумен? Она задает себе эти привычные вопросы относительно всех, кого встречает. Она никогда не была доверчивой, даже еще до того, как ее дочь исчезла и десять лет спустя оказалась мертвой…

Пол всегда говорил, что смотрит на отношения с Лорел как на долгосрочный проект. Она же не хотела выходить за Пола, пока Джейк не начнет ходить. Боялась, что если в жизни Пола сложная полоса, то он может не явиться на регистрацию брака.

И сейчас она задает себе такие вопросы еще чаще. Поскольку знает, что даже худший вариант развития событий нельзя легкомысленно считать маловероятным.

А как быть с этим хорошо одетым, сероглазым, седеющим мужчиной с нежной, мягкой, ухоженной кожей? Лорел не может найти в нем ничего плохого. Кроме того, что он говорит с нею.

– Спасибо, – говорит она в ответ на комплимент. Затем отодвигает свой стул назад, к своему столу. Она хочет уйти, но одновременно хочет, чтобы Флойд попросил ее остаться.

– Вам надо идти? – спрашивает он.

– Ну, да. – Она пытается думать о том, что должна сделать. – Мне надо увидеться с дочерью.

На самом деле ей не надо этого. Она уже давно не видится со своей дочерью.

– О, у вас есть дочь?

– Да. И сын.

– По одному ребенку каждого пола.

– Да. – Сердце Лорел начинает болеть из-за того, что она как бы отрекается от пропавшей дочери. – По одному ребенку каждого пола.

– А у меня две девочки.

Лорел кивает и надевает на плечо сумку.

– Сколько им?

– Одной двадцать один. Другой девять.

– Они живут с вами?

– Младшая со мной. Старшая со своей мамой.

– О.

Флойд улыбается.

– Это сложно.

Лорел улыбается в ответ.

– Разве не все в жизни сложно?

Он отрывает уголок газеты, лежащей на соседнем столе, достает ручку из кармана пальто и говорит:

– Послушайте! Мне понравилось разговаривать с вами. Но это было совсем недолго. Я бы очень хотел вытащить вас на ужин. – Он чиркает номер на клочке бумаги и передает ей: – Позвоните мне!

Позвоните мне.

Так уверенно, так просто, так… нахально? Она не может вообразить, как можно быть таким.

Лорел берет листок бумаги и трет его кончиками пальцев.

– Да, – немного помолчав, отвечает она. – Ну, возможно.

Флойд смеется. Он очень уверен в себе.

– Возможно меня вполне устраивает. Пусть будет возможно.

Лорел быстро покидает кафе, ни разу не оглянувшись.

В тот вечер Лорел делает нечто такое, чего никогда раньше не делала. Она заскакивает к Ханне без предупреждения. Выражение лица дочери, когда она видит, что мать стоит на пороге, состоит из 90 процентов потрясения и 10 процентов беспокойства.

– Мама?

– Привет, дорогая.

Ханна заглядывает за спину матери, будто может увидеть там причину ее появления здесь.

– Ты в порядке?

– Да. Все хорошо. Просто… Проходила мимо и почувствовала, что давно не видела тебя.

– Мы же виделись в воскресенье.

В тот день Ханна на минутку заглянула к Лорел – принесла свой старый ноутбук, но даже не перешагнула через порог.

– Да. Знаю. Ну, в тот день это было… просто, ну, в общем… как-то спонтанно, не по-настоящему.

Ханна переступает с ноги на ногу. Она босая.

– Хочешь войти?

– Это было бы здорово, дорогая. Спасибо.

На Ханне джоггеры[14 - Джоггеры – удобные штаны с резинками на лодыжках. Название имеет англоязычные корни и происходит от слова «джоггинг» (бег трусцой).] и белая обтягивающая футболка с надписью спереди «Cheri». Ханна никогда не была большим знатоком моды. Она предпочитает черный костюм от Banana Republic для работы, дешевую одежду для выходных и отпуска и совсем простую одежду для дома. Лорел не знает, что дочь носит по вечерам, поскольку они ни разу никуда не ходили вечером вместе.

– Чаю хочешь?

– Поздновато уже для чая.

Ханна закатывает глаза. У нее не хватает снисхождения к тому, что Лорел чувствительна к кофеину. Дочь считает, что мама специально досаждает ей.

– Ну, а я собираюсь выпить кофе. Что тебе сделать?

– Ничего не надо, правда. Все хорошо.

Лорел смотрит, как ее дочь перемещается по своей небольшой кухне, открывая и закрывая шкафы. Видит невыразительные движения ее тела и задает себе вопрос: было ли время, когда они с Ханной были близки.

– Где ты была? – говорит Ханна.

– Прости?

– Ты сказала, что проходила мимо.

– О, да. Верно. Была в парикмахерской.

Лорел касается своих волос, чувствуя, как эта безобидная ложь прожигает ее насквозь.

– Выглядишь прекрасно.

– Спасибо, дорогая.

Клочок газеты с накарябанным наспех номером и именем Флойд лежит у Лорел в кармане, и, коснувшись его, она говорит:

– Забавная вещь произошла.

Ханна бросает на маму полный страха взгляд. Такой же самый взгляд она бросает всегда, когда говорит о чем угодно. Будто боится, что ее втянут во что-то ужасное, что ее схватит нечто, с чем у нее не хватит сил совладать.

– Мужчина дал мне свой номер телефона. Пригласил на ужин.

Страх в глазах Ханны превращается в ужас, и Лорел чувствует, что сделала бы что угодно, заплатила бы сверх меры, чтобы этот разговор был с Элли, а не с Ханной. Элли завопила бы, закричала и бросилась бы к Лорел, крепко сжав в своих объятиях. И еще сказала бы, что это удивительно, невероятно и потрясающе.

– Конечно, я не собираюсь ему звонить. Но он заставил меня задуматься… О нас. О всех нас. Мы все отделены друг от друга, как острова в море.

– Ну, да.

В голосе Ханны Лорел слышит нотки обвинения.

– Это тянется слишком долго. И до сих пор мы не нашли способа снова стать семьей. Похоже, мы все застряли в том дне. Я хочу сказать… Посмотри на себя. – В тот же миг Лорел умолкает, осознав, что ни в коем случае нельзя так говорить.

– На себя? – Ханна выпрямляется, растопырив пальцы. – А что такого со мной? При чем тут я вообще?

– Ну, ты удивительна, и я так горжусь тобой. Тем, как упорно ты работаешь, и всем, чего ты достигла. Но разве ты никогда не чувствуешь, что… Ты никогда не думала, что немного замкнута? Что ведешь одномерную жизнь? Однообразную? К примеру, у тебя даже кошки нет.

– Что? Кошки? Ты серьезно? Как, черт возьми, у меня может быть кошка? Меня нет дома целыми днями, да и ночами тоже. Да я ее вообще бы не видела…

Лорел протягивает руку к дочери.

– Забудь о кошке. Я просто использовала ее в качестве примера. Я имею в виду, что ты все время работаешь. Ну, а есть какое-то измерение для тебя лично? Друг? Мужчина?

Дочь с недоумением моргает.

– Почему ты спрашиваешь меня о мужчинах? Ты же знаешь, нет у меня времени на мужчин. Нет у меня времени ни для чего. Даже для этого разговора.

Лорел вздыхает и кладет ладонь себе на затылок.

– Я просто заметила, когда заходила прибираться, что несколько раз тебя не было дома накануне ночью.

Ханна вспыхивает и строит гримасу.

– А, и ты подумала, что у меня появился бойфренд?

– Ну, да. Я действительно так подумала. И не удивилась.

Ханна снисходительно улыбается.

– Нет, мама, – говорит она, – как ни печально, нет никакого бойфренда. Просто, ну, знаешь, вечеринки, выпивка и все такое. Я остаюсь у друзей на ночь.

Пожав плечами, Ханна снова принимается теребить сухую кожу вокруг ногтей.

Лорел щурит глаза. Вечеринки? Ханна? Дочь выглядит смущенной, и Лорел не верит ей. Но не настаивает. Улыбается и говорит:

– А… Понятно.

Ханна смягчается и склоняется к Лорел.

– Я все еще молода, мама. У меня еще будет время для мужчин. И для кошек тоже. Просто не сейчас.

Лорел хочет спросить, Ну а как же мы? Когда наша жизнь прекратит быть такой? Когда для нас настанет пора снова стать семьей? Когда кто-либо из нас сможет по-настоящему смеяться или улыбаться, не чувствуя себя виноватым?

Но ни о чем таком не спрашивает, а берет Ханну за руку.

– Знаю, милая. Я и вправду знаю. И очень хочу, чтобы ты была счастлива. Чтобы все мы были счастливы. Я хочу…

– Ты хочешь вернуть Элли.

Лорел удивленно смотрит на Ханну.

– Да. Я хочу вернуть Элли. Чтобы она опять была с нами.

– Я тоже, – признается Ханна. – Но теперь мы знаем, что Элли не вернется, и мы просто должны продолжать жить дальше.

– Да. Именно так. Ты абсолютно права.

Пальцы Лорел опять касаются листка бумаги в кармане, трут его, и дрожь опускается по ее позвоночнику.

14

– Привет, Флойд. Это Лорел. Лорел Мэк.

– О, миссис Мэк.

Это мягкое, протяжное, трансатлантическое произношение, такое ленивое и сухое.

– Или вы мисс?

– Мисс.

– Тогда мисс Мэк. Как приятно получить от вас весточку! Трудно найти что-то более приятное.

Лорел улыбается.

– Хорошо.

– Мы строим планы насчет ужина?

– Ну, да. Так мне кажется. Разве что…

– Никаких разве что. Если только у вас нет какого-то определенного разве что на уме.

Она смеется.

– Нет ничего определенного.

– Ну и ладненько. Что скажете, если мы встретимся в пятницу вечером?

– Хорошо. – Нет нужды проверять ежедневник. Лорел и так прекрасно знает, что в этот день свободна. – Прекрасно.

– Поедем в город? Полюбуемся яркими огнями? Или встретимся где-нибудь возле меня? А может, около вас?

– На яркие огни я согласна.

Ее голос прерывается, и она смущается, будто вновь стала подростком.

– Я надеялся, что вы так и скажете. Вам нравится тайская кухня?

– Я люблю тайскую кухню.

– Тогда позвольте мне самому позаботиться обо всем. Я найду ресторан и сделаю для нас заказ. Позже пришлю вам эсэмэску с подробностями.

– Ничего себе. Да вы…

– Расторопный?

– Расторопный. Да. И…

– Возбуждающий? Захватывающе интересный?

Она опять смеется.

– Это не совсем то, что я хотела сказать.

– Конечно. Так и есть. Я интересный парень. Бесконечные развлечения и приключения, вот мой стиль. Именно так я наслаждаюсь жизнью.

– Вы забавный.

– Спасибо.

– Увидимся в пятницу.

– Так и будет. Обязательно. – И добавляет: – Разве что…

О своей внешности Лорел заботилась всегда. Держала себя в форме даже в ужасные первые годы после исчезновения Элли. Принимала душ, тщательно выбирала одежду, закрашивала темные круги под глазами дорогими маскирующими кремами, расчесывала волосы до тех пор, пока они не начинали блестеть. Лорел должна была оставаться собой. Ей нельзя было вдобавок потерять саму себя.

Она всегда заставляла себя выглядеть хорошо, но уже довольно давно перестала беспокоиться о том, чтобы быть привлекательной. Честно говоря, прекратила попытки выглядеть симпатичной приблизительно в 1985 году, когда они с Полом начали жить вместе. И сейчас ее глупое лицо в зеркале; открытая косметичка; волнение, из-за которого Лорел нанесла на веки тушь для ресниц вместо подводки; ужасная кожа; раздражение на себя за то, что позволила своему лицу постареть, что сама больше не выглядит привлекательно, что не родилась с такими генами, как у Кристи Тарлингтон[15 - Кристи Николь Тарлингтон, род. 2 января 1969 года – американская топ-модель, одна из супермоделей 90-х.], – вот это все было для Лорел новым и непривычным.

Поморщившись, она снимает тушь специальной салфеткой и шепчет:

– Что за фигня! Хрень какая-то.

Позади нее на кровати свалена одежда. Какая странная погода сегодня вечером! Тепло и душно, как обычно в это время года, но еще обещают дождь и сильный ветер. И хотя с фигурой у Лорел полный порядок – стандартный десятый размер, – вся парадная одежда куплена, когда Лорел еще не было сорока. Платья и юбки коротковаты, руки слишком обнажены, да и вырез великоват. Ничто не кажется подходящим, ни один наряд. В конце концов Лорел сдается, выбирает серый топ с длинными рукавами и расклешенные черные брюки. Мрачновато. Но вполне уместно.

Время семь ноль пять. Чтобы не опоздать на встречу с Флойдом, надо выйти через десять минут. Лорел быстро заканчивает макияж. Она понятия не имеет, выглядит она лучше или хуже с такой косметикой. Все равно уже нет времени, чтобы что-то исправить.

Подойдя к двери, Лорел на мгновение замирает и смотрит на маленькую полочку, где стоят фотографии всех троих ее детей. Ей нравится, как они приветствуют ее или прощаются с ней. Она берет фотографию Элли. Ей пятнадцать лет. Снимок сделан в октябре, во время коротких каникул, проведенных в Уэльсе. Лицо Элли раскраснелось от морского воздуха и игры в мяч на пляже с братом и сестрой. Рот раскрыт так широко, что видно горло. На Элли коричневая вязаная шапка с гигантским помпоном на макушке. Руки полностью скрыты рукавами огромного худи.

– Я иду на свидание, Элли, – говорит Лорел своей девочке. – С хорошим человеком. Его зовут Флойд. Думаю, он бы тебе понравился.

Она нежно проводит большим пальцем по улыбающемуся лицу ее доченьки, по гигантскому помпону.

Мам, это потрясающе, – слышит Лорел голос Элли где-то глубоко внутри себя. – Я так счастлива за тебя! Иди и веселись!

– Я попробую, – отвечает Лорел в пустоту. – Постараюсь.

В ресторане, выбранном Флойдом для свидания, мягкий свет. Лакированные черные с золотом стены. Темная мебель. Абажуры из аметистовых бусинок, галогенные лампы. Лорел приходит с опозданием на две минуты. Флойд уже там.

Ей кажется, что он выглядит моложе в этом мягком свете. Значит, и я должна выглядеть моложе, – думает она и сразу чувствует себя увереннее. Она приближается к Флойду. Он встает и целует Лорел в обе щеки – надо же, она позволяет ему!

– Вы выглядите очень изящно. Весьма элегантно.

– Спасибо, – отвечает она. – Вы тоже.

На нем черно-серая твидовая рубашка в мелкую ломаную клетку и черная вельветовая куртка. Волосы уложены, как и на их первой встрече. От него исходит аромат кедра и лайма.

– Вам нравится ресторан? – спрашивает он с поддельной неуверенностью в голосе. Но кого он может обмануть!

– Конечно, нравится. Здесь великолепно.

– Уф, – выдыхает он и получает в ответ улыбку.

– Вы бывали здесь прежде?

– Да. Но только днем. Всегда хотел вернуться вечером, когда здесь более темно, мрачно и полно подозрительных личностей, – шутит он.

Лорел оглядывает посетителей. Многие, видимо, пришли прямо из офиса или на свидание.

– Не такие уж они подозрительные, – замечает она.

– Да. Я уже заметил. И страшно разочарован.

Она улыбается, и он передает ей меню.

– Вы голодны?

– Как волк.

И это правда. Она слишком нервничала весь день и потому так и не смогла засунуть в рот хотя бы кусочек. И теперь, когда увидела Флойда и вспомнила, почему согласилась разделить с ним его торт, почему позвонила ему и договорилась о встрече, ее аппетит возвратился.

– Вам нравится острая еда?

– Да. Очень.

Он просиял.

– Слава богу за это! Мне на самом деле нравятся только те, кто любит острое. В противном случае у нас с вами было бы плохое начало.

Чтобы ознакомиться с меню, нужно время. Флойд же полон вопросов. У вас есть работа? Братья? Сестры? В какой квартире вы живете? Какое у вас хобби? Есть ли дома животные? Сколько лет вашим детям?

– О. – Она кладет салфетку на колени. – Двадцать семь и двадцать девять.

– Ничего себе! – Он смотрит на Лорел искоса. – Вы не выглядите на столько лет, чтобы иметь детей такого возраста. Я думал, ну максимум подростки.

Она знает, что это полная бессмыслица, ведь потеря ребенка старит гораздо быстрее, чем жизнь, проведенная, например, на пляже.

– Мне почти пятьдесят пять, – вздыхает она. – И выгляжу я именно на столько.

– Ну, нет, – возражает он. – Я бы дал вам сорок с небольшим. Вы отлично выглядите.

Такой несуразный комплимент Лорел оставляет без внимания.

Флойд улыбается, из внутреннего кармана шикарной куртки вытаскивает пару очков для чтения и надевает их.

– Не пора ли сделать заказ?

С заказом переусердствовали. Блюда все продолжают прибывать. Их гораздо больше, чем ожидали Лорел с Флойдом, и значительную часть вечера они переставляют бокалы и бутылки с водой, перекладывают мобильные телефоны,

чтобы освободить место для новых тарелок.

– Что это? – спрашивают они каждый раз, когда появляется новое блюдо. – Пожалуйста, скажите, что это последнее.

Сначала пьют пиво, затем переходят к белому вину.

Флойд рассказывает Лорел о разводе с матерью своей старшей дочери. Девочку зовут Сара-Джейд.

– Я хотел назвать ее Сара-Джейн, но моя бывшая потребовала назвать дочку Джейд. Это был довольно простой компромисс. Я зову дочь Сарой. Моя бывшая зовет ее Джейд. Дочка называет себя Эс-Джей. – Он пожимает плечами. – Вы можете дать своим детям любое имя, какое вам нравится, но в конечном счете они поступят по-своему.

– Какая она?

– Сара? Она… – Впервые Лорел видит, что еще чуть-чуть, и Флойд может вскипеть. – Она необычная. Она, э-э… – Кажется, у него заканчиваются слова. – Ну, – наконец говорит он, – думаю, вам нужно просто увидеть ее.

– А сами вы часто видитесь в ней?

– О, довольно часто. Она все еще живет с моей бывшей. У них не все так уж хорошо, поэтому Сара использует меня в качестве аварийного спасательного люка. Большинство выходных, на самом деле. Но это палка о двух концах. – Он криво улыбается.

– А ваша другая дочь? Как ее зовут?

– Поппи.

Его лицо расцветает.

– Какая она? Совсем не похожа на Сару-Джейд?

– О, боже, да. – Он медленно и театрально кивает. – Да, в самом деле. Поппи удивительна. Она блестяще разбирается в математике, у нее необычайно едкое чувство юмора. Она ни от кого не терпит оскорблений и унижений. Я буквально хожу перед ней на цыпочках. И она всегда напоминает мне, что в этом мире я не самый главный. В любом споре она от кого угодно может и мокрого места не оставить. А из меня просто вьет веревки.

– Ничего себе. Она великолепна! – говорит Лорел, думая, что это почти точное описание ее собственной погибшей дочери.

– Так и есть, – он утвердительно кивает головой. – Я счастливчик.

– Как же получилось, что она живет с вами?

– Хороший вопрос. Все это довольно сложно. У Поппи и Сары-Джейд разные матери. Мама Поппи была… Как бы получше сказать… У меня были случайные отношения, которые… в общем, перешли границы. Если понимаете, о чем я. Поппи не была запланирована. Отнюдь. И потом мы с ее мамой и вправду пытались какое-то время быть нормальной парой, но нам так и не удалось осуществить это. А когда Поппи исполнилось четыре годика, ее мать исчезла.

– Исчезла?

Сердце Лорел начинает колотиться, ведь это слово так много значит для нее.

– Да. Оставила Поппи на моем пороге. Опустошила свой банковский счет. Бросила дом, работу. И больше ни разу не появилась.

Флойд берет бокал и делает долгий глоток, ожидая реакцию Лорел.

Она в ужасе подносит руку к горлу. У нее внезапно возникает смутное ощущение, что все предопределено. Что встреча с этим странно привлекательным мужчиной не случайна, как Лорел подумала сначала. Что они с Флойдом каким-то образом распознали причудливые пустоты – пустоты, возникшие в жизни каждого, когда дорогие им люди трагически и таинственно были отняты у них.

– Ничего себе, – произносит Лорел. – Бедная Поппи.

Флойд опускает взгляд на скатерть. Затем кончиком пальца начинает катать зернышко риса.

– Такова реальность, – вздыхает он. – Такова реальность.

– Как думаете, что с ней случилось?

– С матерью Поппи? – переспрашивает Флойд. – Боже, да я понятия не имею. Она вообще была странной женщиной. Могла оказаться где угодно. В буквальном смысле.

Лорел смотрит на него, обдумывая уместность следующего вопроса.

– Вы никогда не думали, что она может быть мертва?

Флойд мрачно глядит на Лорел, и она понимает, что зашла слишком далеко.

– Кто знает? – отвечает он. – Кто знает?

И улыбка вновь появляется на его лице. Разговор продолжается. Они заказывают еще по бокалу вина.

Веселье возобновляется, и свидание движется своим чередом.

15

Вернувшись домой, Лорел сразу направляется к своему ноутбуку, надевает очки и гуглит Флойда Данна. В ресторане они проговорили до самого закрытия, и их очень вежливо попросили уйти. Флойд Данн ненавязчиво предложил поехать в другое место. Он был членом какого-то клуба.

– Это не роскошный клуб, – пояснил он, – там простой бар и несколько кресел. Старикашки пьют бренди и брюзжат.

Лорел не хотела возвращаться домой в Барнет после того, как метро закроется. Поэтому, попрощавшись с Флойдом на Пикадилли-серкус, сидела, улыбалась, рассматривала свое пьяное отражение в окне вагона и, наконец, доехала до конечной станции.

Теперь она в пижаме с зубной щеткой во рту. Одежда, которую она оставила на своей кровати, брошена грудой на кресло, а косметика все еще разбросана по всей поверхности туалетного столика. У Лорел не осталось сил, чтобы привести все в порядок. Она просто хочет удержать себя вместе с Флойдом в том невещественном коконе, который они создали сегодня вечером, чтобы отгородиться от жизненных проблем, не давая им просачиваться внутрь сквозь мельчайшие дырочки.

Через нескольких секунд поиска Лорел узнает, что Флойд Данн не просто математик, как он сказал за ужином, но еще и автор нескольких признанных учеными книг по теории чисел и математической физике.

Она переходит на Google Images и всматривается в Флойда на разных этапах его жизни. На некоторых фотографиях он явно моложе, чем сейчас: от тридцати до сорока. Вот он длинноволосый, в расстегнутой у ворота рубашке. Это фото было сделано специально для его первых книг. На нем он выглядит немного тревожно. С этим человеком она не разделила бы кусок торта – здесь он похож на одинокого лектора Открытого университета[16 - Открытый университет (ОУ) – британский университет открытого образования. Цель его создания – предоставить возможность получить образование людям, желающим учиться в удобном для них месте и в удобное время.] начала восьмидесятых. На более поздних фотографиях Флойд более или менее такой, как теперь. Его волосы немного неряшливы, покрыты перхотью. Более темные, чем сейчас. Одежда не так элегантна, но в основном это тот же мужчина, с кем она только что ужинала.

Лорел хочется узнать о нем как можно больше. Хочется окутать себя им и его захватывающим миром. Снова и снова видеть его. Потом она вспоминает о Поле и его подруге Бонни. Вспоминает, какое недоумение и даже оцепенение почувствовала, когда Пол приехал, чтобы сообщить – он встретил женщину, и они уже живут вместе. Лорел не могла постичь, как ему удалось добраться туда, где все легко и просто и где бабочки порхают в животе. Где строят планы и

держатся за руки. И теперь то же самое происходит с нею. Внезапно у нее возникает страшное желание позвонить Полу.

Лорел уже воображает, как говорит: Пол, я встретила невероятного, сказочного парня. Он умный, привлекательный и добрый. С ним весело.

И тут она понимает, что впервые за долгие годы хочет поговорить с Полом о чем-то еще, кроме Элли.

Следующий день проходит в мучительном одиночестве.

По субботам Лорел обычно встречается со своими подругами Джеки и Бель. Все трое учились в школе в Портсмуте и были неразлучны. Лет тридцать тому назад, когда им было по двадцать и они жили в Лондоне, Лорел как-то встретилась с Джеки и Бель в баре в Сохо, и они рассказали, что объявили о своей гомосексуальности и любви друг к другу, а теперь они пара. Одиннадцать лет назад Бель родила мальчиков-близняшек. Когда у Лорел уже завершался родительский этап жизни, у них он только начинался. А после того как пропала Элли, дом Джеки и Бель в Эдмонтоне[17 - Эдмонтон – часть лондонского района Энфилд.], полный подгузников, детских игрушек и розового йогурта в мягких тюбиках, стал для Лорел убежищем.

В эти выходные подруги уезжают в Шропшир[18 - Шропшир – графство на западе Англии.] на турнир по регби и берут с собой мальчиков. Поэтому для Лорел время тянется медленно, в квартире висит тяжелая атмосфера. У соседей хлопают двери, детей громко зовут домой, кто-то заводит машину, где-то лает собака во время вечерней прогулки – все эти звуки углубляют чувство одиночества. К тому же от Флойда нет ни звонка, ни эсэмэс. Лорел чувствует себя старой, слишком старой. К вечеру, все хорошенько обдумав, она решает прекратить общение с Флойдом. Пойти на свидание с ним было безумием. Бессмыслицей. Лорел – раненая женщина с тонной ужасного багажа, а Флойд просто использовал свое непринужденное очарование, чтобы провести вечер с женщиной. Он, вероятно, мог устраивать такое каждый вечер, если бы только захотел. И, скорее всего, прямо сейчас сидит в кафе, угощая морковным тортом кого-то еще.

В воскресенье Лорел решает навестить мать, поскольку просто не в состоянии провести еще один день в одиночестве. Лорел бывает у матери, как правило, по четвергам. Визит получается еженедельным, и становится гораздо труднее найти причину, чтобы увильнуть.

Дом престарелых, где живет мама Лорел, находится в Энфилде[19 - Энфилд – самый северный из 32 лондонских боро.], в двадцати минутах езды. Это новостройка из красного кирпича. Окна из дымчатого стекла, чтобы никто не мог заглянуть внутрь и ужаснуться собственному будущему. Мама Лорел, Руби, перенесла три инсульта. Теперь ее словарный запас крайне ограничен, она наполовину слепа, и у нее провалы в памяти. Она очень несчастна и часто говорит, что хочет умереть.

Лорел приезжает в половине одиннадцатого. Руби сидит на стуле. Рядом с ней тарелка с овсяным печеньем и чашка с молоком, будто для четырехлетнего ребенка. Лорел берет маму за руку и гладит пергаментную кожу. Потом смотрит в темные глаза и старается увидеть в этой женщине ту, прежнюю, которая брала маленькую Лорел за руку и за ногу и бросала в бассейн, гуляла с маленькой Лорел по пляжу и заплетала ей волосы, готовила обжаренную с обеих сторон яичницу так, что желток оставался почти сырым – Лорел увидела это блюдо в американском сериале и попросила маму сделать такое же. Энергия матери в то время была безгранична. Ее вьющиеся темные волосы не знали ни заколок, ни повязок. Она всегда носила обувь на низком каблуке, чтобы можно было быстро бежать за автобусом или перепрыгивать через стены в погоне за уличным грабителем.

Первый инсульт случился четыре месяца спустя после того, как исчезла Элли, и с тех пор Руби так и не стала прежней.

– На прошлой неделе я была на свидании, – рассказывает Лорел матери.

Та кивает и, сжав губы, криво улыбается. Она пытается что-то сказать, но не может найти слова.

– Ф-ф-ф-ф-ф… Ф-ф-ф-ф-ф…

– Не волнуйся, мама. Я знаю, что ты рада за меня.

Внезапно у мамы получается:

– Фантастика! Чудесно!

– Да. – Лорел широко улыбается. – Правда, теперь я сильно волнуюсь и веду себя как подросток. Я все время смотрю на телефон и жду, что он вот-вот позвонит. Жалкое зрелище!

Мама снова улыбается или, лучше сказать, создает подобие улыбки, насколько ей позволяет поврежденный мозг.

– З… Зовут?

– Его зовут Флойд. Флойд Данн. Американец. Моего возраста. Невообразимо умный, привлекательный и веселый. У него две дочери, одна живет с ним, другая уже взрослая.

Мама кивает, продолжая улыбаться.

– Ты… ты… ты… ты…

Лорел проводит большим пальцем по ее руке и ободряюще улыбается.

– Ты… Ты… Ты позвони ему!

Лорел смеется.

– Не могу!

Мама неодобрительно качает головой и с досадой причмокивает.

– Нет. Честно. Я уже звонила ему первая и уже сделала первый шаг. Теперь его очередь.

Руби опять выражает неодобрение.

– Думаю, – рассуждает Лорел, – можно послать ему эсэмэс, только чтобы сказать спасибо. И уж тогда дело за ним. Все будет зависеть от него.

Мама кивает и охватывает руку Лорел своей, легонько сжимая.

Руби обожала Пола. С первого же дня их знакомства она повторяла:

– Ну, ты молодец, моя дорогая! Нашла хорошего мужчину. Теперь, пожалуйста, будь добра к нему. Не отпускай его.

А Лорел, криво усмехаясь, с оттенком сухой иронии отвечала:

– Посмотрим.

Ведь она никогда не верила ни в бесконечное счастье, ни в то, что можно жить счастливо до глубокой старости. А ее мама лелеяла радужные надежды на прекрасное будущее Пола и Лорел, потому что хотя и была романтиком, но и реалистом тоже. Такое сочетание во многих отношениях было идеальным.

Руби протягивает руку к сумочке Лорел, открывает ее, вытаскивает телефон Лорел и вручает ей.

– Как? – удивляется Лорел. – Прямо сейчас?

Руби кивает.

Лорел тяжело вздыхает и набирает слова.

– Если все пойдет наперекосяк, я буду считать, что ты полностью в ответе за это, – говорит она полушутя.

Потом нажимает кнопку «Отправить», быстро закрывает телефон и запихивает его обратно в сумочку, испугавшись того, что только что сотворила.

– Вот дерьмо. – Лорел прячет лицо в ладонях. – Ну хитрюга! Не могу поверить, что ты заставила меня сделать это!

Руби смеется, издавая странные, чересчур высокие звуки. Но это и вправду смех. И первое, что приходит Лорел на ум, – она слышит материнский смех впервые за очень долгое время.

Через несколько секунд звонит телефон Лорел. Это он.

16

Во вторник у Лорел и Флойда второе свидание. На сей раз они никуда не едут, а идут в эритрейский ресторан недалеко от дома Флойда. Лорел всегда хотела пойти в этот ресторан, но Пол не соглашался, потому что там на окне было прилеплено скотчем объявление, возвещавшее о всего лишь трехзвездочном рейтинге гигиены.

На Флойде темно-зеленая рубашка поло под черным джемпером и джинсы. Лорел надела облегающий льняной сарафан поверх белой хлопковой блузки, черные колготки и черные туфли. Ее длинные волосы собраны сзади, и она похожа на супермодную монашку – пока Лорел не встретилась с Флойдом, она не осознавала, насколько строгой, разве что не клерикальной, была ее одежда.

– Вы выглядите потрясающе! – Он явно не понял ее трудностей с выбором одежды. – Вы слишком стильная по сравнению со мной. Я чувствую себя ни на что не годным бродягой.

– Вы прекрасно выглядите. – Лорел садится за столик. – Замечательно.

Она поражена тем, какой расслабленной чувствует себя здесь. Нет нужды следить за тем, чтобы не сделать что-нибудь не так, как надо, – на прошлой неделе этот страх портил ей первое свидание. Замызганный ресторан ярко освещен, но свет не мешает Лорел чувствовать безразличие к своей внешности, к тому, выглядит ли она старой или нет.

Она смотрит, как движутся руки Флойда, и ей хочется поймать их в воздухе, прижать к своему лицу. Она следит взглядом за движением его головы, видит, как появляется паутинка морщинок вокруг глаз, стоит ему улыбнуться. Время от

времени она замечает, как на его груди вспыхивают едва заметные брызги волос – рубашка поло не застегнута на верхние пуговицы. Внезапно у Лорел появляется ужасно сильное желание заняться с ним сексом, и осознание этого на мгновение повергает ее в своего рода волнующую мучительную тишину.

– У вас все в порядке, Лорел? – спрашивает он, ощутив ее неловкость.

– О, боже, да. Все хорошо.

Она улыбается. Он успокаивается, и беседа продолжается.

Он тепло общается с официантами, которые, кажется, хорошо его знают и приносят бонусные блюда и самые вкусные и легкие закуски – порции крошечные, на один укус, чтобы лишь распробовать.

– Знаете, – говорит Лорел, отрывая кусок лепешки и опуская его в тушеную баранину, – мой бывший не хотел приглашать меня сюда из-за низкого рейтинга гигиены. – На мгновение Лорел становится стыдно за то, что она принижает Пола, рисуя его незнакомцу одним цветом, хотя о своем бывшем муже может рассказать гораздо больше.

– Ну, гигиена-шмигиена, у меня никогда не было проблем с животом после здешней еды, а хожу я сюда уже много лет. Эти люди знают, что делают.

– И давно вы живете здесь?

– О, боже, целую вечность. С тех пор, как мои родители возвратились в США. Они дали мне немного денег, сказали вложить их в какое-нибудь неряшливое место, лишь бы оно было близко к центру. Я нашел тот дом. Он был поделен на жилые помещения типа «студия». Омерзительное было место. Боже, как только люди могут так жить! Дохлые крысы. Засоренные туалеты. Дерьмо на стенах. Бррр! – Флойд поежился, и его передернуло. – Но это было лучшее из решений, какие я когда-либо принимал. Вы не поверите, сколько это здание стоит сейчас.

Лорел охотно могла поверить Флойду, поскольку продала собственный дом в Страуд Грин всего лишь несколько лет назад.

– Как думаете, вы когда-нибудь вернетесь в Штаты?

Он качает головой:

– Нет. Ни за что. Та страна никогда не была мне родиной. Нигде я не чувствовал себя дома, пока не приехал сюда.

– А ваши родители? Они живы?

– Ага. Живы и здоровы. Они были юными родителями, и потому сейчас они все еще довольно бодрые. А ваши? Они еще с вами?

Лорел отрицательно качает головой.

– Папа умер, когда мне было двадцать шесть. Мама в доме престарелых. Она очень больна и слаба. Сомневаюсь, что протянет еще год. – Помолчав, с улыбкой добавляет: – Должна признаться, она-то и велела мне позвонить вам. В воскресенье. Ей нужно много времени, чтобы составить предложение. Обычно она не хочет говорить ни о чем, кроме смерти. Но в этот раз велела мне позвонить вам. Сказала, что это фантастика, ну, что я встретила вас. И что это чудесно. Она буквально вложила мой телефон в мою же руку. Это самая… – Лорел мельком глядит на свои колени, – самая материнская вещь, какую она сделана за последнее десятилетие. Будто она стала моей прежней мамой. Меня это тронуло.

Флойд протягивает руки через стол и кладет их на руки Лорел. Его красивые серые глаза устремлены на нее.

– Да благословит Бог вашу прекрасную маму.

Лорел сцепляет свои пальцы с его и нежно сжимает их. Они и нежные, и в то же время твердые, но, главное, сексуальные. Его прикосновение заставляет ее почувствовать именно то, чего она уже не рассчитывала ощутить снова. Она уже забыла, как это бывает. А сейчас его большие пальцы поднимаются по ее запястью и ложатся на пульс. Кончиками пальцев Флойд проводит вверх и вниз по внутренней поверхности ее рук. Лорел помещает свои пальцы в мягкие волоски на его предплечьях, и затем ее ладони прячутся в мягкую шерстяную

ткань его рукавов. Она находит его локти, а он ее, и они обхватывают руки друг друга через стол. Проходит вечность, прежде чем они отпускают друг друга и просят счет.

Снаружи его дом точно такой же, как ее прежний. Всего через три улочки от того места, где она жила раньше. Это двухквартирный викторианский дом с голландскими фронтонами и небольшим балконом над крыльцом. К парадной двери с витражными панелями из цветного стекла проложена дорожка из плиток. Небольшой ухоженный квадратный палисадник перед домом, пара мусорных баков поодаль. Флойд еще не успел вставить ключ в замочную скважину парадной двери, а Лорел уже знает, как будет выглядеть дом внутри, – ровно так, как тот, в каком она жила.

И верно. Кафельная прихожая с широкой лестницей. Перила, заканчивающиеся щедрым завихрением. Спереди единственная деревянная ступенька, ведущая вниз в просторную светлую кухню, и дверь налево, через которую Лорел видит книжные полки, мерцание телевизора и пару босых ног, скрещенных в щиколотках. Босые ноги распрямляются и опускаются на ободранные половицы, затем в двери возникает голова – маленькое, нервное лицо с копной светлых волос. В ушах сережки, расположенные полумесяцем. На веках широкие мазки синей подводки.

– Папа?

Голова мгновенно втягивается назад.

– Привет, зайка. – Флойд поворачивается и одними губами объясняет Лорел, что это Сара-Джейд, а потом просовывает голову в дверь. – Как провела вечер?

– Хорошо.

Голос у Сары-Джейд мягкий и глубокий.

– Как Поппи?

– Хорошо.

– Когда она легла спать?

– Полчаса назад. Ты что-то рано.

Лорел видит, как голова слегка наклоняется вперед, затем быстро исчезает.

– Сара, – Флойд поворачивается к Лорел и протягивает к ней руку. – Хочу тебя кое с кем познакомить. – Он тянет Лорел к двери, затем подталкивает перед собой. – Это Лорел. Лорел, вот моя старшая дочь, Сара-Джейд.

– Эс-Джей, – говорит крошечная девушка, сидящая в кресле, и медленно поднимается на ноги. Она протягивает Лорел маленькую руку для пожатия. – Приятно познакомиться. – Потом падает обратно в кресло и поджимает под себя миниатюрные голубоватые ноги с синими прожилками.

На Саре-Джейд широкая черная футболка поверх черных бархатных легинсов. Девушка очень худая, и Лорел хочется узнать – это от расстройства пищеварения или просто такое телосложение.

По телевидению идет реалити-шоу – люди пришли в ярко освещенный ресторан на свидания вслепую. На полу у ног Эс-Джей пустая тарелка со следами кетчупа и пустая бутылка из-под диетической кока-колы. На подлокотнике смятая обертка Galaxy[20 - Galaxy – бренд молочного шоколада, выпускаемый и продаваемый Mars Incorporated и впервые выпущенный в Великобритании в 1960 году.].

Значит, у Эс-Джей такое телосложение от природы. Воображение Лорел немедленно рисует маму девушки в виде трепетной феи с огромными глазами и шестым размером джинсов. На мгновение Лорел охватывает зависть.

– Ну, – говорит дочери Флойд, – мы будем на кухне. Будешь пить с нами чай?

Сара-Джейд качает головой, но ничего не отвечает. Лорел следует за Флойдом в кухню. Там тоже все знакомо: нарядные кремовые шкафы из дерева с большими деревянными же ручками, темно-зеленая кухонная плита, окруженный табуретами остров. Но расположен он не так, как в старой кухне Лорел, а сдвинут назад, где стоит сосновый стол в окружении сосновых стульев. На столе

кипы бумаг и журналов, два ноутбука. Через спинку одного из стульев перекинуто розовое меховое пальто, на другом висит пиджак.

Лорел садится на табурет и смотрит, как Флойд наливает кружку ромашкового чая для нее и варит кофе в электрической кофеварке для себя.

– Ваш дом прекрасен.

– Благодарю вас. Хотя, думаю, вам следует знать, что точно там, где вы сейчас сидите, держал свой ночной горшок парень, живший в задней комнате. И я это точно знаю, потому что после того, как тот тип съехал, на этом месте стоял горшок… как бы вам сказать… неопорожненный.

– О, боже! – Лорел смущенно хихикает. – Как же это мерзко!

– И не говорите.

– А знаете, ваш дом такой же, как мой прежний. Правда. Ну, то есть не точно такой же, но та же планировка и тот же дизайн.

– Давным-давно, – произносит Флойд, – все эти улицы, все эти здания были построены примерно в одно время, чтобы поселить здесь городских рабочих. – Он передает Лорел чай и улыбается. – Странно было бы думать, что однажды наши потомки будут очарованы состоянием Барретта[21 - Барретт – Барретт-стрит находится в лондонском районе Мэрилебон. Как жилой квартал Мэрилебон относится к числу самых престижных в Лондоне.] и будут отчаянно пытаться сохранить черты времени. Не прикасайтесь к тому пластиковому плинтусу, он бесценен.

Улыбаясь, Лорел подхватывает:

– Вам, наверное, трудно поверить, что люди, которые раньше жили здесь, делали встроенные шкафы с зеркальными раздвижными дверями!

Флойд смеется и с нежностью смотрит на Лорел, но очень скоро взгляд его становится серьезным.

– Я погуглил вас. После нашего первого свидания.

Улыбка застывает на лице Лорел.

– Я знаю об Элли.

Лорел крепко обнимает кружку двумя руками и с трудом делает глоток.

– О.

– Вы ведь знали, что я буду искать сведения о вас?

Она печально улыбается.

– О, не знаю, наверное, это приходило мне в голову. Но я бы вам и сама все рассказала. Скоро. Я уже собиралась. Но такое признание не годится для первого свидания.

– Не годится. – Голос Флойда звучит мягко. – Я понимаю.

Не зная, как быть в такой ситуации, Лорел рассматривает кружку со всех сторон.

– Я искренне соболезную вам. Просто я… – Он глубоко вздыхает. – Я бы не… Не могу даже представить. Ну, то есть… могу представить. Даже слишком хорошо представляю, как трудно такое перенести. Не то чтобы я сталкивался с чем-то подобным. Но сама мысль… Вы… и ваша девочка… это так… О, боже! – Флойд тяжко вздыхает. – И я хотел вам что-то сказать, весь вечер пытался, потому что было нечестно сидеть и болтать с вами, когда у меня уже были все эти знания. А вы не знали, что я знал, и…

– Я идиотка. Сама должна была догадаться.

– Нет. Это я идиот. Я должен был подождать, пока вы не будете готовы сказать мне.

Лорел улыбается и смотрит в затуманенные глаза Флойда, потом переводит взгляд вниз, на его руки, которые так просто и так обольстительно ласкали ее руки в ресторане. Смотрит на его теплый, уютный дом и говорит:

– Я готова. Сейчас я могу говорить об этом.

Он протягивает руку и кладет Лорел на плечо. Она инстинктивно трется о его руку щекой.

– Вы уверены?

– Да. Уверена.

Уже почти час ночи, когда Флойд ведет Лорел вверх по лестнице в свою спальню. Сара-Джейд в полночь уехала домой на такси, тихо попрощавшись с отцом. Она так и не пожелала общаться с Лорел.

Спальня Флойда покрашена в темно-бордовый цвет. На стене висят написанные маслом занятные абстрактные картины. Флойд объясняет Лорел, что нашел их в подвале, когда ремонтировал дом.

– Они, наверное, довольно неказисты. Но мне нравятся. Приятно знать, что именно я освободил их из тьмы забвения, дал им жить и дышать.

– Где комната Поппи? – шепчет Лорел.

Он указывает вверх и за спину.

– Она ничего не услышит. Да и вообще спит как убитая.

Он расстегивает молнию сарафана на спине, а Лорел тащит за рукава его теплый мягкий джемпер. Руки, ноги, одежда, в том числе колготки, – все перепутывается. Давным-давно Лорел приняла решение завязать с сексом и больше никогда не вспоминать о нем, но пять минут спустя именно он и происходит. Лорел занимается сексом, и не просто сексом, но лучшим сексом, который когда-либо был в ее жизни, и очень скоро хочет повторить.

Они засыпают в объятиях друг друга, когда тускло-коричневая охра рассвета начинает вползать в комнату сквозь щель в занавесках.

17

– Доброе утро! Вы Лорел?

Лорел слегка подскакивает. Сейчас десять часов, и она думала, что дочь Флойда уже в школе.

– Да. – Лорел пытается тепло улыбнуться. – Я Лорел. А ты, полагаю, Поппи?

– Да. Поппи.

Девочка сияет и широко улыбается. Становятся заметны слегка неровные зубы и маленькая ямочка на левой щеке. На мгновение Лорел теряет дар речи и, чтобы не упасть, вцепляется в то, что есть под рукой, – в дверную раму.

– Надо же! Ой, извини. Просто ты выглядишь, как… – Лорел замолкает, боясь признаться, что Поппи ужасно похожа на погибшую Элли. Такая же ямочка, широкий лоб, глаза с тяжелыми веками. И так же слегка наклоняет голову, когда пытается понять, о чем думает собеседник. – Ну, ты мне кое-кого напоминаешь.

Лорел преувеличенно громко смеется. Она и раньше часто видела девочек, похожих на Элли, но никогда не доходила до того, чтобы преследовать кого-либо из них на улице, выкрикивая имя дочери и хватая девочку за плечо, как показывают в кино. У Лорел начинали порхать бабочки в животе, ускорялось дыхание. Появлялось чувство, что ее мир вот-вот взорвется от радости и облегчения. Сразу после исчезновения Элли часто случались те недолгие моменты, но уже много лет их не было.

Поппи улыбается еще шире и спрашивает:

– Принести вам чего-нибудь? Чай? Кофе?

– О, – говорит Лорел, не ожидая такой проворности от девятилетней девочки. – Да. Если можно, кофе, пожалуйста. – Она наклоняется в сторону и смотрит за спину девочки, не приближается ли Флойд. Он сказал, что спустится через две минуты. И не говорил, что его дочь будет здесь.

– Папа сказал, что вы очень симпатичная, – говорит Поппи, поворачиваясь к Лорел спиной, чтобы налить из крана воды в кувшин с фильтром. – Так оно и есть.

– Надо же! – говорит Лорел. – Спасибо. Впрочем, я и должна так выглядеть.

Она расправляет рукой спутанные волосы, которые отец этого ребенка теребил вчера вечером. На Лорел футболка Флойда, сильно пахнущая сексом. Лорел знает это.

– У вас был чудесный вечер? – спрашивает Поппи, выкладывая ложкой молотый кофе в кофеварку.

– Да, спасибо, совершенно чудесный.

– Вы были в эритрейском ресторане?

– Да.

– Мой любимый, – замечает Поппи. – Папа начал водить меня туда, когда я была еще совсем маленькой.

– О, – протягивает Лорел. – Какой, должно быть, у тебя утонченный вкус!

– Нет ничего такого, чего я не стала бы есть, – отвечает девочка. – Кроме чернослива, который является проделками дьявола.

На Поппи широкое хлопковое платье в синюю и белую полоску; темно-синие шерстяные колготки и темно-синие кожаные туфли-лодочки. Каштановые волосы убраны назад и скреплены двумя маленькими красными зажимами.

Слишком формальный наряд для маленькой девочки. Когда дочерям Лорел было столько же лет, сколько Поппи сейчас, пришлось бы подкупать их, чтобы они надевали такое.

– Сегодня в школе нет занятий?

– Ни сегодня, ни когда-либо еще. Я не хожу в школу.

– О, – удивляется Лорел, – это… Я имею в виду… То есть… Я хочу сказать…

– Папа сам учит меня.

– Он всегда учил тебя?

– Да. Всегда. Знаете, я могла читать детские книги, когда мне было три года. Простую алгебру выучила в четыре. На самом деле даже педагогическое училище не совладало бы со мной.

Поппи звонко смеется, как взрослая женщина, и выключает кофеварку.

– Я могу заинтересовать вас гранолой с йогуртом? Что скажете? Или предпочтете тост?

Лорел поворачивается, чтобы опять заглянуть за спину девочки. До сих пор нет Флойда. И вообще нет никаких признаков, что он скоро появится.

– Послушай, – говорит Лорел, – а можно мне принять душ, прежде чем что-нибудь съесть? Я чувствую себя немного… – Лорел строит гримаску. – Я быстренько.

– Ну конечно, – кивает Поппи. – Примите душ. Кофе будет вас ждать.

Лорел улыбается, выходит из кухни и на лестнице встречает Флойда. Он свежий после душа. Еще влажные волосы зачесаны назад. Кожа кое-где слегка ободрана и кровоточит – он сбрил вчерашнюю щетину. Флойд обнимает Лорел за талию и прячет лицо у нее на плече.

– Я познакомилась с Поппи, – спокойно говорит она. – Ты не сказал мне, что учишь ее дома.

– Разве не сказал?

– Нет. – Она отстраняется от другой попытки приласкать ее. – Я хочу принять душ. Не могу же я сидеть и болтать с твоей дочерью, если пахну как старая потаскуха, всю ночь занимавшаяся любовью?

Флойд смеется.

– Ты пахнешь восхитительно! – Он втягивает носом воздух рядом с Лорел. Затем его рука скользит вниз по ее животу, и она разрывается между желанием прижать эту руку сильнее и оттолкнуть ее.

– Прекрати! Ну, перестань же, – ласково говорит Лорел, и Флойд смеется.

– Что думаешь о моей Поппи?

– Она очаровательна. Совершенно восхитительна.

Он расцветает от таких слов.

– Разве она не великолепна?

Он наклоняется и нежно целует Лорел в губы, потом спускается по лестнице и направляется в кухню. Слышно, как он приветствует дочь.

– Доброе утро, моя замечательная девочка! Как твои дела?

Лорел поднимается по лестнице и принимает долгий душ в ванной, смежной со спальней своего возлюбленного, чувствуя странность и неправильность, причину которым найти не может.

В тот же день Лорел отправляется к Ханне, чтобы навести порядок у нее в квартире. Посторонние могли бы счесть немного странным, что под стоящую на столе вазу с цветами подсунуты тридцать фунтов. Лорел, конечно, понимает, что получать плату наличными за уборку квартиры собственной дочери не совсем нормально. Но в их семье, как и в любой другой, свои тараканы, и этот – всего лишь один из них. Зато каждую неделю Лорел кладет тридцать фунтов на специальный банковский счет, который когда-нибудь использует, чтобы баловать угощениями своих будущих внуков и устраивать им развлечения по выходным.

Лорел складывает банкноты и засовывает их в кошелек. Потом осматривает квартиру – так она начала делать, когда Ханна перестала спать здесь каждую ночь. Лорел не верит, что Ханна ходит к подругам на пижамные вечеринки. Дочь, которую она знает, не стала бы так вести себя. Ханна никогда не любила весело проводить время.

Цветы в вазе особенно интересны. Это не наспех купленный пучок тюльпанов из супермаркета Sainsbury’s и не лилии Старгейзер[22 - Старгейзер – их называют аристократами в мире лилий за экзотическую красоту необычайно ароматных цветков.], но букет из темных роз, гипсофил, лиловых гиацинтов и эвкалипта. Стебли все еще скреплены спиралью в середине, где обычно их связывают веревочкой.

В кухне Лорел достает чистящие средства из шкафчика под раковиной и рассматривает поверхности столов, ища подсказки. Ночью Ханны не было дома, о чем опять говорит отсутствие миски с остатками мюсли. Нет остатков другой еды. Не разбросана косметика. Лорел понимает, что если у Ханны есть мужчина, то она проводит все свое время у него дома, и тогда точно не будет никаких следов ее пребывания здесь.

Лорел вздыхает и наклоняется к мусорному ведру, чтобы вытащить из него полупустой пакет для мусора, который, как всегда, почти ничего не весит, так как у Ханны нет активной жизни. Лорел сдавливает мусор, чтобы перевязать верхнюю часть пакета узлом, и слышит хруст целлофана. Она быстренько засовывает руку в пакет, обнаруживает там пленку, в какую заворачивают цветы, вытаскивает ее, расправляет и разглаживает. Взгляд Лорел останавливается на крошечной карточке, прикрепленной липкой лентой. Сообщение наспех написано неряшливым почерком флориста:

«Не могу дождаться завтрашнего дня, чтобы увидеть тебя. Пожалуйста, не опаздывай!

Я очень тебя люблю,

Т х.[23 - Т х (Тэ-Икс – от англ. Terminator X), Терминатрикс – персонаж-робот из фильма «Терминатор 3: Восстание машин».]

Лорел держит карточку большим и указательным пальцами и несколько секунд смотрит на нее. Потом сует назад в мешок для мусора и завязывает узел. Так вот, думает она. Вот оно что. Ханна движется вперед. У Ханны есть мужчина. Но почему, спрашивает себя Лорел, Ханна не говорит об этом со мной?

18

Лорел не видела Пола со дня похорон Элли. Там они стояли рядом. Пол не привел Бонни и даже не спросил, можно ли.

Да, он хороший человек.

Во всех отношениях.

Он поддерживал ее в тот день – ее ноги подкашивались, когда гроб скрывался из глаз под звуки «Somewhere Only We Know»[24 - Somewhere Only We Know – песня британской рок-группы Keane.]. На поминках, устроенных в доме его матери, он передавал Лорел чашки чая, а затем нашел ее в углу сада и уговорил вернуться в дом, обещая большую порцию Бейлис со льдом – ее самый любимый спиртной напиток. Они остались, когда все разошлись, сидели рядом, перекатывали лед в своих бокалах и смешили друг друга. Чувства Лорел путались, становясь то светлыми и темными одновременно, то золотистыми и серебристыми. Пол ни разу не проверил свой телефон и ни разу не побеспокоился, что опоздает к Бонни. В десять часов вечера Пол и Лорел ушли вместе и нетвердой походкой направились к стоянке микротакси. В машине

Лорел позволила Полу крепко обнять ее, прижалась лицом к его груди и ощутила чистый, до боли знакомый запах. Она ощущала мягкость его старой рубашки, купленной на Джермин-Стрит[25 - Джермин-Стрит – улица в Лондоне в Вестминстере, на которой находятся самые знаменитые мастерские по изготовлению мужских рубашек.], и едва не повернула к нему лицо и не поцеловала его.

На следующее утро Лорел проснулась с ощущением, будто все в ее мире перевернуто вверх ногами и перепутано, как только возможно. С тех пор она ни разу не говорила с Полом.

Но теперь она чувствует, что вся эта неясность растаяла и можно все начать с чистого листа. Можно еще раз встретиться с Полом. И, вернувшись из квартиры Ханны к себе домой, звонит ему.

– Привет, Лорел, – тепло здоровается он.

Пол все и всегда говорит тепло. Это одна из многих вещей, какие заставляли Лорел ненавидеть его с тех пор, как пропала Элли, – то, как он улыбался полиции, репортерам и любопытным соседям; как общался с близкими знакомыми, согревая их руки в своих, глядя прямо в глаза и справляясь об их здоровье, преуменьшая собственный кошмар; как постоянно пытался заставлять абсолютно всех всегда чувствовать себя лучше. А Лорел тем временем представляла, как будет все сильнее и сильнее сжимать руки вокруг его мягкого горла, пока совсем не задушит.

Но сейчас его интонации соответствуют ее собственному душевному состоянию, и она опять может по достоинству оценить Пола. Прекрасный, прекрасный Пол Мэк. Чудесный человек.

– Как дела? – справляется он.

– Все хорошо, спасибо, – отвечает она. – А у тебя?

– О, ты знаешь.

Да, знает.

– Я тут подумала, – начинает она, – на следующей неделе у нас с Ханной день рождения. Может, нам с тобой устроить что-нибудь? Вместе? Как считаешь?

Ханна пришла в этот мир ровно через две минуты после полуночи в двадцать седьмой день рождения Лорел. И родилось семейное предание, что дочь родилась полной решимости присвоить всеобщее внимание.

– Хочешь сказать, все мы? Ты, я, дети?

– Да. Дети. И супруги. Если захочешь.

– Ух ты! – Он восклицает, как маленький мальчик, получивший велосипед в подарок. – Думаю, прекрасная мысль. В эту среду, да?

– Да. Но я еще не спросила у Ханны. Вдруг она будет занята. Просто я подумала, что после пережитых лет, ну, ты понимаешь, после того, как нашли останки Элли, после прощания с ней… Мы так долго были сломлены. Может, настало время…

– Стать прежними, – перебил он. – Это блестящая идея. Я бы очень этого хотел. Сегодня же скажу Бонни.

– Ну, – медлит Лорел, – подожди, пока я не поговорю с детьми. Это не так-то просто. Ты же знаешь, они сильно заняты. Надо постучать по дереву…

– Да. Обязательно. Спасибо, Лорел.

– Пожалуйста.

– Долгим же был путь.

– Тяжелым.

– Я скучал по тебе.

– Я тоже скучала по тебе. И вот еще что, Пол…

– Да?

Лорел на секунду замирает, проглатывает комок и, глубоко заглянув в себя, пытается восстановить слова, которые до сего момента не собиралась говорить Полу.

– Прости меня. Мне правда очень жаль.

– Бога ради, за что?

– О, знаешь, Пол! Ты не должен притворяться. Я была стервой по отношению к тебе. Ты же знаешь, что так и было.

– Лорел, – вздыхает он, – стервой ты никогда не была.

– Нет, – возражает она, – была, и даже хуже, чем стервой.

– Ты всегда была настоящей матерью, Лорел. Вот и все.

– Другие матери теряют детей, не теряя мужей.

– Ты не потеряла меня, Лорел. Я все еще твой. И всегда буду твоим.

– Ну, это же не совсем верно?

Пол опять вздыхает.

– Если уж на то пошло, – рассуждает Пол, – то я отец твоих детей, твой друг, кто вместе с тобой шел по жизни, кто любит тебя и заботится о тебе. Мне необязательно быть в браке с тобой, чтобы быть таким. Это все гораздо глубже, чем брак. Это навсегда.

Теперь вздыхает Лорел, и неловкая улыбка приподнимает уголки ее губ.

– Спасибо, Пол. Спасибо.

Через мгновение она сбрасывает звонок, но некоторое время телефон остается у нее на коленях. Лорел смотрит прямо перед собой, ощущая умиротворение. Она и не подозревала, что почувствует его снова.

Как только Лорел предлагает отпраздновать дни рождения, в голосе Ханны появляется раздражение, и она резко спрашивает:

– Что это за все мы?

– Я, ты, папа, Джейк, Бонни и Блю.

– О, боже, – стонет Ханна.

Лорел всегда знала, что Ханна не может быстро принять новое.

– Ведь ты сама говорила, – объясняет Лорел, – что пришло время всем нам двигаться дальше. Мы теперь исцеляемся, и это часть процесса.

– Ну, для тебя, возможно, так. Но я хотела сказать, что ты даже не знакома с Бонни. Не будет ли неловко?

– Не будет. Потому что мы с твоим отцом не допустим этого. – Как много времени прошло с тех пор, как она использовала слова мы с твоим отцом? – Все уже взрослые, Ханна. Больше никаких оправданий. Тебе почти двадцать восемь. Я практически пенсионерка. Мы похоронили Элли. У твоего отца есть супруга. Он любит ее. Мне придется примириться с этим и принять ее как часть нашей семьи. То же самое с Джейком и Блю. И, конечно, с тобой…

– Со мной?

– Да. С тобой. И с тем, кто прислал тебе те прекрасные цветы.

Гробовая тишина.

Затем вопрос:

– Какие еще цветы?

– Букет на твоем кухонном столе.

– Нету там никакого букета.

– О, ну тогда воображаемый букет с воображаемыми розовыми розами. Тот самый.

Ханна чмокает.

– Да не букет это. Просто охапка цветов. Я купила их для себя.

Лорел вздыхает и неискренне извиняется.

– О, значит, я ошиблась. Прости.

– Просто перестань выдумывать для меня парня, мама! Нет никакого парня, понятно тебе?

– Да, да, конечно. Извини.

– И мне вообще-то не нравится мысль о большом семейном застолье. Слишком уж все это странно.

– Но ты будешь свободна?

Ханна отвечает не сразу.

– Нет.

– Нет?

– Ну, не в мой день рождения. То есть не в наш. Нет. Но в другой день я смогу.

– Что же тогда ты будешь делать в наш настоящий день рождения?

– Ну, знаешь, просто выпьем после работы. Ничего особенного.

Лорел медленно моргает. Она чувствует, что дочь лжет. Наверное, этот Т х пригласил ее в какое-то особенное место. Но Лорел ничего не говорит.

– Как насчет пятницы?

– Прекрасно, – отвечает Ханна. – Замечательно. Но если все окажется ужасной катастрофой, я буду обвинять тебя всю оставшуюся жизнь.

Лорел улыбается.

Будто для нее это новость!

Лорел готовится к встрече с Флойдом в четверг вечером. В этот раз не надо волноваться и суетиться, не надо вариться на медленном огне. Флойд отправил ей эсэмэску через полчаса после ее ухода в среду утром. Это было лучшее свидание в моей жизни. И Поппи ты очень понравилась. Могу ли я снова увидеть тебя? Пожалуйста! Завтра же!

Эта эсэмэска пришла на телефон Лорел, когда поезд вылетел из туннеля на яркий дневной свет. Она спрятала улыбку в глубинах своей души и отправила ответ: Возможно. Разве что…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

GCSE – Программа GCSE (General Certificate of Secondary Education) предназначена для обучения школьников в возрасте 14–15 лет и является завершающим этапом среднего образования согласно образовательным стандартам Великобритании и Северной Ирландии.

2

Улица Страуд Грин Роуд образует часть границы между лондонскими районами Ислингтон на юге и Харинги на севере, недалеко от Финсбери Парк. Прилегающие районы Ислингтона иногда называются Страуд Грин. Улица Страуд Грин Роуд является местным центром и торговым районом.

3

Crimewatch – Британская телевизионная программа, созданная Би-би-си для реконструкции крупных нераскрытых преступлений с целью получения информации от общественности для помощи в расследовании.

4

Таймекс входит в пятерку крупнейших производителей часов в мире. Ассортимент очень разнообразен, и каждый может найти часы на свой вкус и кошелек.

5

Девон, или Девоншир – графство в Юго-Западной Англии.

6

Барнет – один из 32 районов, расположен на севере Большого Лондона.

7

Хай Барнет (англ. High Barnet) – станция метро Лондона и бывший железнодорожный вокзал, расположенный в Северном Лондоне.

8

Энфилд – район на севере Лондона.

9

Брент Кросс – торговый центр.

10

Дувр – город и порт в Великобритании, в графстве Кент, административный центр одноименного района.

11

Приблизительно 25 см на 20 см.

12

Пэчворк – вид рукоделия, при котором по принципу мозаики сшивается цельное изделие из кусочков ткани.

13

«Арчеры» (The Archers) – На данный момент это самая длинная радиодрама в истории – более 18 тыс. эпизодов. «Арчеры» – важный элемент британской культуры.

14

Джоггеры – удобные штаны с резинками на лодыжках. Название имеет англоязычные корни и происходит от слова «джоггинг» (бег трусцой).

15

Кристи Николь Тарлингтон, род. 2 января 1969 года – американская топ-модель, одна из супермоделей 90-х.

16

Открытый университет (ОУ) – британский университет открытого образования. Цель его создания – предоставить возможность получить образование людям, желающим учиться в удобном для них месте и в удобное время.

17

Эдмонтон – часть лондонского района Энфилд.

18

Шропшир – графство на западе Англии.

19

Энфилд – самый северный из 32 лондонских боро.

20

Galaxy – бренд молочного шоколада, выпускаемый и продаваемый Mars Incorporated и впервые выпущенный в Великобритании в 1960 году.

21

Барретт – Барретт-стрит находится в лондонском районе Мэрилебон. Как жилой квартал Мэрилебон относится к числу самых престижных в Лондоне.

22

Старгейзер – их называют аристократами в мире лилий за экзотическую красоту необычайно ароматных цветков.

23

T x (Тэ-Икс – от англ. Terminator X), Терминатрикс – персонаж-робот из фильма «Терминатор 3: Восстание машин».

24

Somewhere Only We Know – песня британской рок-группы Keane.

25

Джермин-Стрит – улица в Лондоне в Вестминстере, на которой находятся самые знаменитые мастерские по изготовлению мужских рубашек.

Купить: https://tellnovel.com/ru/layza-dzhuell/i-togda-ona-ischezla

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить